РАЙЧЕЛ МИД
АКАДЕМИЯ ВАМПИРОВ
КРОВНЫЕ УЗЫ
Книга 1. ПРИНЦЕССА ПО КРОВИ

Райчел Мид

Принцесса по крови

Серия «Академия вампиров»

Серия «Кровные узы», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3261265
Академия вампиров. Кровные узы. Кн. 1. Принцесса по крови / Райчел Мид ; [пер. с англ. А. Овчинниковой]: Эксмо, Домино; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56205-3

Аннотация

У Сидни Сейдж – особая кровь, она алхимик, одна из тех, кто занимается магией и служит связующим звеном между миром людей и миром вампиров. Ей-то и поручили на вампирском совете защищать принцессу мороев, юную Джил Мастрано. Каково же было удивление Сидни, когда местом для выполнения ее ответственной миссии оказалась обыкновенная калифорнийская школа, а сама она должна выступать в роли обыкновенной школьницы, подруги и одноклассницы Джил…

Впервые на русском языке книга, открывающая новый сериал, продолжающий культовый цикл романов об Академии вампиров!

Содержание

Глава первая 4
Глава вторая 13
Глава третья 22
Глава четвертая 30
Глава шестая 50
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Райчел Мид
Принцесса по крови

Глава первая

Я не могла дышать.

Чья-то рука зажала мне рот, другая стиснула плечо, вырывая из тяжелого сна. За один удар сердца в голове моей промелькнули тысячи отчаянных мыслей. Началось! Худший из моих ночных кошмаров становится явью.

«Они здесь! Они пришли за мной!»

Я заморгала, дико оглядывая темную комнату, пока мой взгляд не упал на лицо отца. Я перестала метаться, совершенно сбитая с толку. Отец отпустил меня и отступил на шаг, холодно меня рассматривая.

Я уселась в постели; сердце стучало по-прежнему часто.

– Папа?

– Сидни, ты не просыпалась.

Само собой, он и не подумал извиниться за то, что напугал меня до смерти.

– Оденься и приведи себя в приличный вид, – продолжал отец. – Быстро и тихо. Встретимся внизу в моем кабинете.

Я широко распахнула глаза, но не заколебалась. Существовал лишь один приемлемый ответ.

– Да, сэр. Конечно.

– Пойду разбужу твою сестру.

Отец повернулся к двери, а я вскочила с кровати.

– Зою? – воскликнула я. – Зачем она тебе?

– Ш-ш, – одернул он. – Поторопись и приготовься. И помни – тише! Не разбуди мать.

Не сказав больше ни слова, отец закрыл дверь, а я осталась таращиться на нее. Паника, только что утихшая, снова начала просыпаться. Зачем ему Зоя? То, что меня разбудили поздно ночью, означало: для алхимиков появилась работа, а Зоя не имела к ним отношения. Теоретически я тоже больше не имела к ним отношения, с тех пор как нынче летом меня на неопределенное время отстранили от дел за плохое поведение. Из-за чего же сыр-бор? Вдруг меня все-таки отправляют на переобучение и собираются заменить Зоей?

На мгновение мир закружился, и я схватилась за кровать, чтобы устоять на ногах. Центры переобучения. Они снились в кошмарных снах юным алхимикам вроде меня – в эти загадочные заведения удаляли тех, кто заводил дружбу с вампирами, и учили, насколько ошибочно для алхимика такое поведение. Что именно там происходило, было тайной – одной из тех, которые мне никогда не хотелось бы раскрыть. Я почти не сомневалась, что слово «переобучение» было лишь красивой заменой термину «промывание мозгов».

Я всего один раз видела вернувшегося оттуда человека, и, по правде говоря, после этого он и на человека-то был не похож. Скорее смахивал на зомби, и мне даже думать не хотелось о том, что с ним могли сотворить, чтобы сделать его таким.

В моей голове эхом отдавались понукания отца, и я попыталась стряхнуть с себя страх. Помня о другом отцовском предупреждении, я старалась действовать тихо. Мама спала чутко. Обычно было в порядке вещей, если ей доводилось заставать нас за выполнением алхимических поручений, но в последнее время она недолюбливала работодателей мужа и дочери. С тех пор как в прошлом месяце алхимики доставили меня к порогу родительского

дома, дом этот стал смахивать на лагерь военнопленных. Между родителями вспыхивали ужасные ссоры, и мы с сестрой, Зоей, ходили тогда на цыпочках.

Зоя.

«Зачем ему понадобилась Зоя?»

Этот вопрос не давал мне покоя, пока я суетливо собиралась. Я понимала, что означает «приличный вид». И речи не шло о том, чтобы натянуть джинсы и футболку. Вместо этого я надела серые слаксы и похрустывающую белую рубашку на пуговицах. За ними последовал темно-серый кардиган, который я аккуратно подпоясала черным ремнем. Единственным украшением, которое я себе позволяла, был маленький золотой крест – я всегда носила его на шее.

С волосами управиться было сложнее. Хотя я проспала всего пару часов, они уже торчали в разные стороны. Я пригладила их, как смогла, а потом щедро обрызгала лаком в надежде, что это поможет придать мне приличный вид в преддверии того, что надвигалось, – что бы это ни было. Легкое припудривание – вот и весь мой макияж; на большее не хватило времени.

На все приготовления я потратила шесть минут, думаю, это мой новый личный рекорд. В полной тишине я ринулась вниз по лестнице, по-прежнему стараясь не разбудить мать.

В гостиной было темно, но из-за неплотно закрытой двери отцовского кабинета в коридор проникал свет. Я сочла это приглашением, открыла дверь и проскользнула в комнату. Приглушенный разговор прекратился, стоило мне появиться на пороге. Отец оглядел меня с головы до ног и одобрил мой вид в лучшей своей манере: просто воздержавшись от критики.

– Сидни, – резко сказал он, – думаю, ты знакома с Донной Стэнтон.

Грозная женщина-алхимик стояла у окна, скрестив руки на груди. Она казалась такой же крепкой и стройной, какой и запомнилась мне. Не так давно я провела много времени со Стэнтон, хотя нас едва ли можно было назвать подругами – особенно после того, как некоторые мои поступки привели к тому, что мы обе угодили под своего рода «вампирский домашний арест». Но если Стэнтон затаила на меня обиду, она никак не выказала этого. Лишь вежливо кивнула мне все с тем же непроницаемым лицом.

Кроме отца в комнате присутствовали трое алхимиков-мужчин. Их представили мне как Барнса, Михаэльсона и Горовица. Барнс и Михаэльсон были ровесниками моего отца и Стэнтон, а Горовиц, раскладывавший сейчас инструменты татуировщика, – моложе, лет двадцати пяти. Одежда алхимиков была подобна моей – деловые костюмы невзрачных цветов. Мы всегда стремились выглядеть элегантно, но не привлекать к себе внимания. Алхимики веками играли в «Людей в черном»[1], задолго до того, как люди начали мечтать о жизни в других мирах.

Когда свет упал на лица алхимиков под определенным углом, у каждого из них стала видна татуировка в виде лилии, такая же, как у меня.

И вновь я почувствовала растущую тревогу. Это что, какая-то проверка? Меня испытывают, чтобы выяснить, не стала ли я предательницей, когда решила помочь девушке-отступнице, полувампиру?

Я скрестила руки на груди и постаралась сохранять нейтральное выражение лица, надеясь, что кажусь уверенной и невозмутимой. Если у меня еще был шанс защититься, я собиралась использовать его на всю катушку.

Не успел никто произнести ни слова, как в комнату вошла Зоя. Она закрыла за собой дверь и окинула всех присутствующих испуганными глазами. Отцовский кабинет был огромным – ради него он сделал пристройку к дому, – и все легко в нем разместились. Но,

[1] «Люди в черном» – популярный фильм 1998 года; обычно так называют правительственных агентов или членов различных не афиширующих себя группировок. (Здесь и далее примечания переводчика.)

наблюдая за сестрой, я поняла, что она чувствует себя в ловушке, попросту задыхается здесь. Я встретилась с ней глазами и попыталась молча выказать свое сочувствие. Должно быть, это мне удалось, потому что она подошла ко мне уже с более спокойным видом.

– Зоя, – сказал отец.

Он позволил ее имени повиснуть в воздухе, как делал всегда, ясно давая понять, что разочарован. Я немедленно сообразила, в чем тут дело. Зоя надела джинсы и старую фуфайку, а ее волосы были заплетены в две милые, но небрежные косички. С точки зрения любого другого человека, у нее был «приличный вид» – но не с точки зрения отца. Почувствовав, как Зоя съежилась рядом со мной, я выпрямилась и попыталась казаться выше и солиднее. Убедившись, что Зоя прочувствовала неодобрение, отец представил ее остальным. Стэнтон также приветствовала ее вежливым кивком, после чего повернулась к отцу:

– Я не понимаю, Джаред. Кого из них вы собираетесь послать?

– В том-то и дело, – ответил отец. – Требовали Зою… Но я не уверен, что она готова. Вообще-то я даже знаю, что она не готова. Она прошла лишь начальный курс. Но в свете недавних событий в жизни Сидни…

Я немедленно начала складывать части головоломки. Прежде всего – и это самое главное – меня не собирались отправить на переобучение. По крайней мере, пока. Дело было в чем-то другом. Мои первоначальные подозрения подтвердились. В каком-то задании хотели задействовать Зою, поскольку она, в отличие от некоторых других членов нашей семьи, никогда не предавала алхимиков. Отец был прав, говоря, что она получила лишь начальную подготовку. Наша работа передавалась по наследству, и много лет назад меня избрали очередным алхимиком в семье Сейдж. Мою старшую сестру Карли лишили этой чести, и теперь она находилась далеко, в колледже, да и была уже слишком взрослой. Отец избрал вместо нее в качестве запасного варианта Зою, на случай, если со мной что-нибудь случится – к примеру, пострадаю в автокатастрофе или меня укусит вампир.

Я шагнула вперед, еще не совсем понимая, что собираюсь сказать. Лишь точно зная – я не могу позволить, чтобы Зою втянули в махинации алхимиков. Я боялась за нее больше, чем страшилась отправиться в центр переобучения – а последнее было весьма пугающим.

– После того, что я совершила, у меня была беседа с комитетом. Мне казалось, мотивы моих поступков стали понятны. Я прошла полную подготовку и способна оказать вам необходимую помощь. Моя квалификация куда выше, чем у сестры, и есть опыт работы в реальном мире. Я досконально знаю свое дело.

– Если память мне не изменяет, у тебя чуть больше опыта работы в реальном мире, чем требуется, – сухо сказала Стэнтон.

– Мне, например, хотелось бы услышать, что же это за «мотивы», – подключился к разговору Барнс, пальцами обозначив кавычки. – Я не в восторге от того, что туда будет брошена неопытная девочка, но мне трудно поверить, будто та, кто помогла преступнице-вампиру, действительно имеет высокую квалификацию и «способна нам помочь».

Он снова изобразил кавычки.

Я вежливо улыбнулась, скрывая ярость. Если я продемонстрирую свои истинные чувства, это делу не поможет.

– Понимаю, сэр. Но Розу Хэзевей в конце концов оправдали. Поэтому формально я не была пособником преступницы. Наоборот, своими действиями в конечном итоге помогла найти настоящего преступника.

– Однако в то время ни ты, ни мы не знали, что она невиновна, – сказал Барнс.

– Понимаю, – отозвалась я. – Но я в это верила.

Барнс фыркнул.

– В том-то и проблема. Ты должна была верить в то, что тебе сказали алхимики, а не сбегать со своими притянутыми за уши теориями. Уж по меньшей мере тебе следовало бы передать старшим найденную тобой улику.

Улику? Как я могла объяснить, что не столько улика заставила меня помочь Розе, сколько интуитивная вера в ее искренность? Но я знала – они никогда меня не поймут. Всех нас учили думать о таких, как Роза, самое худшее. Мне бы ничуть не помогло, если бы я рассказала, что увидела в ней честность и правдивость. Еще более нелепым объяснением стал бы мой рассказ о шантаже со стороны другого вампира. До алхимиков мог дойти только один довод.

– Я… Я ничего никому не рассказала, так как хотела разобраться во всем сама. Я думала, что если расследую дело, то получу повышение и задание получше.

Мне потребовалось все мое самообладание, чтобы произнести эту ложь убедительным тоном. Меня просто-таки передергивало от того, насколько это унизительно. Как будто на столь невероятные поступки меня толкнули собственные амбиции. Теперь я выглядела подобострастной и легкомысленной. Но, как я и ожидала, такое объяснение удовлетворило алхимиков.

– Как глупо! – хмыкнул Михаэльсон. – Конечно, чего еще ожидать в ее возрасте.

Другие мужчины также обменялись снисходительными взглядами, даже мой отец. Только Стэнтон, судя по всему, сомневалась, но ведь она была свидетельницей большего числа моих провалов, чем остальные.

Отец оглядел собравшихся в ожидании дальнейших замечаний. Все молчали, и тогда он пожал плечами.

– Если ни у кого нет возражений, я предпочел бы, чтобы мы послали Сидни. Хотя не совсем понимаю, зачем она вам понадобилась.

В его тоне слышались легкие обвиняющие нотки – ведь его до сих пор не ввели в курс дела. Джаред Сейдж не любил оставаться в неведении.

– Я не возражаю против того, чтобы прибегнуть к услугам старшей девушки, – сказал Барнс. – Но оставьте младшую поблизости – вдруг, когда сюда прибудут остальные, у них возникнут возражения.

Я гадала, сколько «остальных» к нам присоединятся. Кабинет у отца, конечно, большой, но не безразмерный. И очевидно, чем больше людей прибудет, тем важнее событие. По спине у меня пробежал холодок, когда я задалась вопросом – какое же предстоит задание. Мне приходилось наблюдать, как алхимики управлялись с очень серьезными проблемами с помощью всего одного или двух человек. Насколько же грандиозным будет дело, для которого нужна такая мощная подмога?

– Что требуется от меня? – впервые высказался Горовиц.

– Обнови татуировку Сидни, – решительно сказала Стэнтон. – Даже если она не поедет, не помешает укрепить заклинание. Нет смысла метить Зою, пока мы не выясним, как с ней поступить.

Я метнула взгляд на чистые – и бледные – щеки сестры.

Да. Пока на щеке ее нет лилии, она свободна. Как только твою кожу разукрасят татуировкой, пути назад нет. Ты принадлежишь к алхимикам.

Всего около года назад меня поразило осознание этого факта. Я просто не думала ни о чем подобном, пока росла. С раннего детства отец вложил в меня убеждение в праведности нашего долга. Я все еще верила в эту праведность, но мне бы хотелось, чтобы отец упомянул в ту пору еще и о том, какую огромную часть моей жизни поглотит этот долг.

Горовиц установил в дальнем конце отцовского кабинета складной стол. Похлопав по столешнице, он дружески мне улыбнулся.

– Подходи, не стесняйся! – сказал он мне. – Получи свой билет.

Барнс кинул на него неодобрительный взгляд.

– Пожалуйста, не мог бы ты выказать чуть больше уважения к ритуалу, Дэвид.

Горовиц только пожал плечами. Он помог мне лечь, и, хотя я слишком опасалась остальных, чтобы открыто ответить на его улыбку, надеюсь, в глазах моих он смог прочесть благодарность. Он снова улыбнулся, показывая, что все понимает.

Повернув голову, я наблюдала, как Барнс благоговейно ставит на край стола черный чемоданчик. Другие алхимики собрались вокруг и сложили руки перед собой. Я поняла, что Барнс – жрец. В своей деятельности алхимики в основном опирались на науку, но некоторые задачи предполагали поддержку свыше. В конце концов, наша главная миссия – защищать людей – основывалась на вере в то, что вампиры противоестественны и выступают против воли Божьей. Вот почему жрецы работали бок о бок с нашими учеными.

– Господи, благослови эти эликсиры, – нараспев проговорил Барнс. – Убери налет зла, если таковой имеется в них, чтобы живительная их сила полностью воссияла для нас, Твоих слуг.

Он открыл чемоданчик и вынул четыре маленьких сосуда, наполненных темно-красной жидкостью. На каждом были ярлычки, которые я не смогла прочесть. Твердой рукой, наметанным глазом Барнс отмерил жидкость из каждого сосуда в бутылочку побольше, после чего вынул маленький пакетик порошка и высыпал в ту же бутылочку. В воздухе ощутилось покалывание; содержимое бутылки окрасилось в золотой цвет. Барнс протянул ее Горовицу, который стоял со шприцем наготове.

Все расслабились; торжественная часть осталась позади.

Я послушно повернула голову, подставив щеку. Мгновение спустя на меня упала тень Горовица.

– Немножко будет жечь, но не так сильно, как тогда, когда ее делали в первый раз. Это просто ретушь, – добродушно объяснил он.

– Знаю, – ответила я. Меня уже однажды татуировали повторно. – Спасибо.

Игла уколола меня, и я попыталась не вздрогнуть. И вправду жгло, но Горовиц сказал правду – он не делал новую татуировку, а просто вводил немного чернил в уже нанесенную, возвращая ей силу.

Я решила, что это добрый знак. Возможно, Зое до сих пор грозила опасность, но меня бы не потрудились метить заново, если бы просто собирались отправить на переобучение.

– Пока мы ждем, можете коротко объяснить, что происходит? – спросил отец. – Мне сказали только, что вам нужна совсем юная девушка.

Он произнес это так, будто девушка была лишь расходным материалом. Я подавила волну гнева. Вот и все, что мы значим для отца.

– У нас сложилась непростая ситуация, – услышала я голос Стэнтон. В конце концов я получу кое-какие ответы на вопросы. – С мороем.

Я тихо вздохнула с облегчением. Лучше морои, чем стригои. Любая «ситуация», с которой сталкивались алхимики, всегда касалась одной из рас вампиров, и я в любое время предпочла бы иметь дело с живыми вампирами, а не с убийцами.

Иногда морои казались почти людьми (хотя никому из присутствующих я бы об этом не сказала) и, как и мы, жили и умирали. А стригои, эти не-мертвые кровожадные вампиры, были извращенной ошибкой природы. Стригои появлялись на свет не естественным путем, они возникали тогда, когда стригой заставлял жертву пить его кровь либо когда морой намеренно забирал жизнь другого, выпивая его досуха. Встреча со стригоем обычно заканчивалась чьей-нибудь смертью.

В голове моей прокручивались всевозможные сценарии, пока я раздумывала, что именно побудило нынче ночью алхимиков к действиям. Был замечен кто-нибудь с клыками? «Кормилец» сбежал и разболтал обо всем? Морой попал на лечение к докторам-людям? С

такого рода проблемами алхимики сталкивались чаще всего, и именно для решения таких задач меня готовили. Но почему же сейчас для подобного дела понадобилась юная девушка, оставалось загадкой.

– Вы знаете, что в прошлом месяце морои выбрали новую королеву, совсем девочку, – сказал Барнс.

Я отчетливо представила себе, как, говоря это, он закатывает глаза.

Все в комнате утвердительно загудели. Конечно, они знали об этом. Алхимики уделяли пристальное внимание политическим событиям в мире мороев. Было крайне важно знать, что происходит среди этих вампиров, чтобы держать их в секрете от остального человечества (и беречь остальное человечество от вампиров). Такова была наша цель – защищать своих собратьев. Мы были увлечены доктриной «познай своего врага». Девушке, которую морои выбрали своей королевой, Василисе Драгомир, исполнилось восемнадцать лет, столько же, сколько и мне.

– Не напрягайся, – ласково сказал Горовиц.

Я и не осознавала, что напрягаюсь. Я попыталась расслабиться, но, думая о Василисе Драгомир, не могла не вспомнить и о Розе Хэзевей. Я с беспокойством гадала, не поспешила ли с выводами, будто мне не грозит беда. К счастью, Барнс просто продолжал свою историю, не упоминая о моей косвенной связи с юной королевой и ее окружением.

– Ну, это стало потрясением не только для нас, но и для всего их народа. Было много протестов и волнений. Никто не попытался напасть на юную Драгомир, наверное, просто потому, что ее слишком хорошо охраняли. Вот почему враги нашли обходной путь – ее сестру.

– Джил, – вырвалось у меня.

Горовиц поцокал языком, журя меня за то, что я шевельнулась. А я тут же пожалела о своей осведомленности насчет мороев и о том, что привлекла к себе внимание. Тем не менее в голове у меня промелькнул образ Джиллиан Мастрано – высокой, раздражающе стройной, подобно всем мороям, с большими бледно-зелеными глазами. Глаза эти как будто всегда были встревоженными, и для тревоги имелись веские причины. В пятнадцать лет Джил выяснила, что она незаконнорожденная сестра Василисы, стало быть, единственный член королевского рода помимо самой Лиссы. И Джил была связана с тем делом, в которое я впуталась нынче летом.

– Вы знаете их законы, – продолжала Стэнтон после короткого неловкого молчания.

В ее тоне ясно угадывалось общее мнение алхимиков по поводу моройских законов. Выборная монархия? Это было чушью, но чего еще следовало ожидать от таких противоестественных созданий, как вампиры?

– Василиса не может оставаться на троне, если не будет иметь еще хотя бы одного члена семьи. Поэтому враги решили – если они не могут убрать саму королеву, то устранят ее сестру.

По моей спине пробежал холодок от того, что означали эти слова, и я снова, не подумав, подала голос:

– Что-то случилось с Джил?

На сей раз я хотя бы выбрала момент, когда Горовиц заново наполнил шприц, поэтому не рисковала испортить татуировку.

Представляя себе порицание в глазах отца, я прикусила губу, чтобы больше ничего не произнести. Принимая во внимание мое шаткое положение, меньше всего на свете мне хотелось бы выказать участие к морою. Я не питала сильной привязанности к Джил, но мысль о том, что кто-то пытается убить пятнадцатилетнюю девочку – ровесницу Зои, – была невыносимой, к какой бы расе ни принадлежала эта девочка.

– Пока неясно, – задумчиво сказала Стэнтон. – На нее напали, это нам известно, но мы не можем сказать, ранили ее или нет. Как бы там ни было, сейчас она в порядке, но на нее покушались при ее же дворе, что доказывает – у них есть предатель в высших кругах.

Барнс с отвращением фыркнул.

– А чего еще вы могли ожидать? Как ее раса ухитрилась просуществовать так долго, не обращаясь против своих же, – превыше моего понимания.

Раздался одобрительный гул.

– Как бы это ни было нелепо, но гражданская война у мороев нам совсем не нужна, – проговорила Стэнтон. – Некоторые морои протестовали достаточно шумно и могли привлечь внимание человеческой прессы. Мы не можем этого допустить. Необходимо, чтобы у них было крепкое правительство, а это значит, что мы должны позаботиться о безопасности девочки. Если они не могут доверять самим себе, пусть доверятся нам.

Было бесполезно указывать на то, что морои вообще-то не доверяют алхимикам. Но поскольку мы не были заинтересованы в убийстве моройской королевы и ее семьи, я предположила, что благодаря этому мы заслуживаем доверия больше, чем другие.

– Нам нужно сделать так, чтобы девочка исчезла, – заключил Михаэльсон. – По крайней мере, до тех пор, пока морои не отменят закон, делающий правление Василисы таким непрочным. Сейчас небезопасно прятать Мастрано среди ее народа, поэтому нам нужно скрыть ее среди людей.

Я уловила презрение в его голосе.

– Но важно также, чтобы люди не поняли, кто находится среди них. Наша раса не должна узнать о существовании мороев.

– После совещания со стражами мы выбрали для нее как будто бы безопасное укрытие – и от мороев, и от стригоев, – подхватила Стэнтон. – Однако, чтобы она и те, кто будет с ней, остались незамеченными, нам пригодится алхимик, преданный только ее интересам, на случай осложнений.

– Это пустая трата наших ресурсов, – решительно заявил отец. – Не говоря уж о том, как невыносимо будет кому-то с ней оставаться.

У меня появилось тягостное предчувствие насчет того, что сейчас должно произойти.

– Вот почему мы вызвали Сидни, – сказала Стэнтон. – Нам бы хотелось, чтобы она была тем алхимиком, который будет сопровождать Джиллиан, пока та скрывается.

– Что?! – воскликнул отец. – Вы шутите!

– Почему? – Стэнтон говорила спокойным, ровным тоном. – Они почти ровесницы, поэтому ни у кого не возникнет подозрений, если они будут держаться вместе. К тому же Сидни уже знакома с девушкой. Для нее это не будет столь «невыносимо», как для остальных алхимиков.

Подтекст был абсолютно ясен. Я не избавилась от своего прошлого, пока нет. Горовиц помедлил и поднял иглу, давая мне шанс заговорить. Мысли мои неслись вскачь. От меня ожидали ответа. Я не хотела показывать, как меня расстроил этот план. Мне нужно было восстановить среди алхимиков свое доброе имя, проявить готовность подчиняться приказам. С другой стороны, мне не хотелось и делать вид, будто я слишком хорошо общаюсь с вампирами и полулюдьми – дампирами.

– Проводить время с любым из них всегда невесело, – сказала я, стараясь говорить невозмутимо. – Сколько бы ты с ними ни общался. Но я сделаю все, чтобы сберечь нашу – и общую – безопасность.

Мне не нужно было объяснять, что слово «общая» касалось людей.

– Вот, Джаред, слышишь?

Судя по тону, Барнс остался доволен ответом.

– Девушка понимает свой долг. Мы уже сделали кое-какие приготовления, чтобы дело прошло гладко, и уж конечно, не пошлем ее туда одну. Тем более что девчонка-моройка тоже будет не одна.

– Что вы имеете в виду?

Мой отец явно не обрадовался, и я гадала, из-за чего он расстраивается больше всего. Он и вправду думает, что мне может грозить опасность? Или просто беспокоится, как бы, проведя еще больше времени с мороями, я совсем не растеряла верность алхимикам?

– Сколько отправляется мороев?

– Они посылают дампира, – ответил Михаэльсон. – Одного из ее стражей, и меня это совершенно не тревожит. В месте, которое мы выбрали, не должно оказаться стригоев. А если даже они там окажутся, пусть лучше сражаются с этими монстрами, а не с нами.

Стражами – отборными телохранителями, защищавшими мороев, – становились специально обученные дампиры.

– Ну вот, – сказал мне Горовиц, сделав шаг назад. – Можешь сесть.

Я послушалась, сопротивляясь желанию прикоснуться к щеке. Во время его работы я почувствовала лишь жжение от прикосновений иглы. Но я знала, что меня снабдили могучей магией, которая даст мне сверхчеловеческую иммунную систему и помешает говорить с обычными людьми о вампирских делах. Я пыталась не думать о другом – о том, откуда такая магия берется. Татуировка была необходимым злом.

Остальные все еще не обращали на меня внимания… Ну, все, кроме Зои. Она по-прежнему выглядела сбитой с толку, испуганной и продолжала тревожно глядеть в мою сторону.

– Возможно, присоединится еще один морой, – продолжала Стэнтон. – Честно говоря, я не совсем понимаю почему, но они очень настаивали на том, чтобы он приехал с Мастрано. Мы заявили, что чем меньше мороев придется прятать, тем лучше, но… Ладно. Кажется, они считают это необходимым. Мне было сказано, что там для него все приготовят. Думаю, это один из Ивашковых. Неважно.

– «Там» – это где? – спросил отец. – Куда вы хотите послать Сидни?

Превосходный вопрос. Я гадала о том же. Моя первая штатная работа с алхимиками забросила меня за полмира, в Россию. Если алхимики намереваются спрятать Джил, трудно сказать, в какую даль они ее отправят. На мгновение я осмелилась помечтать о том, что мы окажемся в городе моих грез, в Риме. Легендарные произведения искусства и итальянская еда казались хорошим способом компенсировать бумажную волокиту и вампиров.

– Палм-Спрингс[2],– сказал Барнс.

– Палм-Спрингс? – эхом отозвалась я.

Это было не то, чего я ожидала. Когда я думала о Палм-Спрингсе, мне на ум приходили кинозвезды и площадки для игры в гольф. Не совсем римские каникулы[3], но это и не Арктика.

Легкая улыбка тронула губы Стэнтон.

– Этот город в пустыне, там много солнца. Совершенно неприемлемо для стригоев.

– А не будет ли климат неприемлем и для мороев? – озабоченно спросила я.

Солнце не убивает мороев в отличие от стригоев, но чрезмерное пребывание на солнце все же вредит их здоровью.

– Что ж… возможно, – признала Стэнтон. – Но легкие неудобства стоят безопасности, которую гарантирует это место. Если моройка будет проводить большую часть времени в доме, все будет в порядке. К тому же это отобьет у других мороев охоту явиться и…

---

[2] Палм-Спрингс – город на юго-востоке штата Калифорния, в пустыне Колорадо.

[3] Римские каникулы – время, проведенное кем-то в удовольствиях ценой страданий других. Выражение впервые употреблено в этом смысле в поэме Байрона «Паломничество Чайльд-Гарольда» и основано на том, что в Римской империи часто объявлялись свободные от работы дни во время гладиаторских игр.

За окном послышался звук захлопнувшейся дверцы машины, который привлек всеобщее внимание.

– А! – сказал Михаэльсон. – Вот и он. Я открою.

Он выскользнул из мастерской и, наверное, двинулся к передней двери, чтобы впустить приехавшего человека. Несколько мгновений спустя я услышала голос этого парня; Михаэльсон уже вернулся к нам.

– Папа не мог выбраться, поэтому послал меня, – говорил вновь прибывший.

Дверь в мастерскую открылась, и у меня остановилось сердце.

«Нет, – подумала я. – Кто угодно, только не он».

– Джаред, – сказал вошедший, заметив моего отца. – Как приятно снова тебя видеть.

Отец, который за всю ночь едва удостоил меня взглядом, широко улыбнулся.

– Кит! А я гадал, как ты поживаешь.

Они пожали друг другу руки, и по моему телу прокатилась волна отвращения.

– Это Кит Дарнелл, – сказал Михаэльсон, представляя его остальным.

– Сын Тома Дарнелла? – спросил Барнс.

Это явно произвело на него впечатление. Том Дарнелл был легендарным предводителем алхимиков.

– Он самый, – жизнерадостно сказал Кит.

Он был лет на пять старше меня, с волосами чуть более светлыми, чем мои. Я знала, что множество девушек считают его привлекательным. А я? Я терпеть его не могла. И меньше всего ожидала увидеть здесь его.

– И наверное, вы знакомы с сестрами Сейдж, – сказал Михаэльсон.

Сперва Кит обратил на Зою взгляд своих голубых глаз, которые чуть-чуть отличались по цвету один от другого. Один глаз, сделанный из стекла, тупо смотрел вперед и вообще не двигался. Второй подмигнул Зое, и ухмылка Кита стала шире.

«Он все еще может подмигивать, – разъяренно подумала я. – Это раздражающее, тупое, снисходительное подмигивание!»

Но, с другой стороны, почему бы Киту было не подмигивать? Все мы слышали о несчастном случае, который произошел с ним в прошлом году. Тогда он лишился глаза. Кит все-таки выжил и сохранил один глаз, но почему-то в глубине души я считала, что потеря глаза отучит его от раздражающего подмигивания.

– Маленькая Зоя! Посмотри-ка, совсем взрослая, – добродушно сказал он.

Я не вспыльчива, вовсе нет, но внезапно мне захотелось врезать ему за то, что он вот так смотрит на мою сестру. Зоя умудрилась улыбнуться, явно почувствовав облегчение оттого, что видит знакомое лицо. Однако, когда Кит повернулся ко мне, все его обаяние и дружелюбие исчезли. И наши чувства были взаимны.

Жгучая черная ненависть, поднимающаяся во мне, была такой всепоглощающей, что лишь спустя мгновение я смогла ответить.

– Здравствуй, Кит, – натянуто сказала я.

Кит даже не попытался подражать моей вынужденной вежливости. Он тут же повернулся к старшим алхимикам:

– Что она здесь делает?

– Мы знаем, что вы требовали Зою, – ровным тоном ответила Стэнтон, – но, поразмыслив, решили: будет лучше, если это задание выполнит Сидни. Ее жизненный опыт перевешивает все ее прежние прегрешения.

– Нет, – быстро сказал Кит, обратив на меня взгляд суровых голубых глаз. – Она не может поехать, тут и думать нечего. Я ни за что не доверюсь какой-то подружке вампиров, чтобы та провалила нас всех. Мы берем ее сестру.

Глава вторая

У некоторых из присутствующих, без сомнения, перехватило дыхание, когда Кит произнес слова «подружка вампиров». Ни одно из этих слов само по себе не было ужасным, но вместе… В общем, они олицетворяли идею, которая была проклятием для всего, за что ратовали алхимики. Мы прилагали все усилия, чтобы защитить людей от вампиров. Заключение тайного соглашения с этими созданиями считалось чуть ли не самым низким поступком, в котором могли бы обвинить каждого из нас. Даже допрашивавшие меня раньше другие алхимики были осторожны в выборе слов.

Слова, которые произнес Кит, были почти неприличными. Горовиц, кажется, рассердился из-за того, как со мной обошлись. Он открыл рот, будто собирался бросить не менее резкую реплику, но быстро посмотрел на меня и Зою, передумал и промолчал. Однако Михаэльсон не смог удержаться и, сделав оберегающий жест, пробормотал:

– Защити нас всех.

Однако меня по-настоящему взбесила не кличка, которой наградил меня Кит (хотя она определенно бросила меня в озноб). Куда больше вывела меня из себя реплика, небрежно брошенная Стэнтон чуть раньше: «Мы знаем, что вы требовали Зою».

Кит для задания требовал Зою? Моя решимость держать ее подальше от этих дел стремительно укреплялась. При мысли о том, что Зоя уедет с ним, я невольно сжала кулаки. Все здесь могли считать Кита Дарнелла очаровательным малым, но я знала его лучше. Ни одну девушку – не говоря уж о моей сестре – не следовало с ним оставлять.

– Кит, я могу уважать ваши чувства, но вы не в том положении, чтобы диктовать условия, – ласково предупредила Стэнтон.

Он покраснел.

– Палм-Спрингс – мой участок! Я имею полное право выбирать, кто отправится на мою территорию.

– Мне понятно, почему ты так считаешь, – сказал отец.

Невероятно! Если бы я или Зоя вот так же поставили под сомнение авторитет вышестоящих, отец без колебаний рассказал бы нам о наших «правах»… Вернее, о том, что у нас нет никаких прав. Кит провел с нашим отцом одно лето – молодые алхимики иногда поступали так во время обучения, – и отец стал считать его сыном, которого никогда не имел. Даже тогда у него были двойные стандарты: одно дело – мы, другое дело – Кит. Время и расстояние явно этого не изменили.

– Может, Палм-Спрингс и ваш участок, – решительно заявила Стэнтон, – но задание охватывает такие места, которые находятся далеко за пределами вашей компетенции. Вы крайне важны для координации, да, но никоим образом не обладаете верховной властью.

Я подозревала, что в отличие от меня Стэнтон каждый день раздает людям оплеухи. Похоже, сейчас ей захотелось поступить точно так же с Китом. Забавно, что она стала моей защитницей, ведь я была почти уверена: она не купилась на историю о том, будто я использовала Розу для продвижения собственной карьеры.

Кит сделал над собой заметное усилие, чтобы успокоиться, мудро рассудив, что детская невыдержанность ни к чему хорошему не приведет.

– Понимаю. Но я просто беспокоюсь об успехе миссии. Я знаю обеих девочек Сейдж. Даже до того «случая» с Сидни у меня имелись на ее счет серьезные опасения. Но я посчитал – она уже переросла трудный возраст, поэтому в свое время ничего не сказал. Теперь я вижу, что ошибся. Даже тогда я всерьез думал, что Зоя была бы для семьи куда лучшим выбором. Не обижайтесь, Джаред.

Он повернулся к отцу с улыбкой, которой полагалось быть очаровательной. Тем временем мне становилось все труднее и труднее скрывать свое недоверие.

– Когда ты жил у нас, Зое было всего одиннадцать лет, – сказала я. – Как, черт возьми, ты мог прийти к таким умозаключениям?

В ту пору я ни на минуту не купилась на то, что «интересую» его. Нет, беру свои слова обратно. Вероятно, я и вправду интересовала Кита в последний день его пребывания здесь, когда я высказала ему в лицо его грязный секрет, который он так тщательно скрывал. Я почти не сомневалась, что из-за этого сейчас весь сыр-бор. Он был заинтересован в моем молчании. Мои приключения с Розой были просто предлогом, чтобы убрать меня с пути.

– Зоя всегда была очень развита для своих лет, – сказал Кит. – Иногда просто сразу понимаешь, что к чему.

– Зоя никогда не встречала стригоя, не говоря уж о морое! Она, наверное, окаменеет, если их увидит. То же самое относится к большинству алхимиков, – заметила я. – Кого бы туда ни послали, ему придется выдержать существование бок о бок с ними. Вы можете как угодно расценивать мои доводы, но я привыкла к стригоям и мороям. Они мне не нравятся, но я могу с ними мириться. Зоя прошла лишь самое начальное обучение – и только домашнее. Все продолжают твердить, что задание очень серьезное. Вы и в самом деле хотите рискнуть и обречь себя на результаты, к которым могут привести неопытность и необоснованные страхи?

Я закончила, гордясь собой – мне удалось сохранить спокойствие и привести столь резонный довод.

Барнс беспокойно шевельнулся.

– Но если у Кита появились сомнения много лет назад…

– Я считаю, что Зоя все-таки достаточно обучена и справится с заданием, – сказал отец.

Пять минут назад он не возражал против того, чтобы вместо нее отправилась я! Меня вообще кто-нибудь слушал? Теперь, когда Кит был здесь, я как будто сделалась невидимкой. Горовиц мыл и убирал свои татуировочные инструменты, но поднял глаза и насмешливо бросил Барнсу:

– Ты сказал ключевые слова: «много лет назад». Тогда Кит был ненамного старше этих девушек.

Горовиц закрыл свой чемоданчик с инструментами и небрежно прислонился к стене, скрестив на груди руки.

– Я не сомневаюсь в тебе, Кит. Вовсе нет. Но я не совсем уверен, что ты можешь основывать свое мнение о ней на воспоминаниях о вашем детстве.

Если следовать логике Горовица, он давал понять, что я все еще ребенок, но мне было плевать. Он отпустил свое замечание небрежно, но все-таки выставил Кита идиотом. Кит тоже это понял и покраснел.

– Я того же мнения, – сказала Стэнтон, явно теряющая терпение. – Сидни очень хочется получить задание. А мало кто захотел бы этого, учитывая, что выполнение его предполагает совместное проживание с вампиром.

«Очень хочется»? Не совсем так. Все, чего я хотела, – это защитить Зою и вернуть себе доверие алхимиков. Если это означало идти против Кита Дарнелла, что ж, так тому и…

– Подождите, – вмешалась я, прокручивая в голове слова Стэнтон. – Вы говорите – совместное проживание с вампиром?

– Да, – ответила Стэнтон. – Хоть девушка-моройка и скрывается, все равно она должна вести какое-то подобие нормальной жизни. Мы решили убить разом двух зайцев и записали ее в частную подготовительную школу. Там она получит и жилье, и образование. Мы устроим так, что вы с ней будете жить в одной комнате.

– Это же не означает… не означает, что мне придется пойти в школу? – спросила я, теперь слегка сбитая с толку. – Я уже закончила учебу.

По крайней мере, окончила среднюю школу. Я несколько раз говорила отцу о своем желании поступить в колледж. А он ясно давал понять, что не видит в том необходимости.

– Видите? – обрадовался Кит подвернувшейся возможности. – Она слишком взрослая. Зоя лучше подходит по возрасту.

– Сидни может сойти за старшеклассницу. Она как раз подходящего возраста.

Стэнтон окинула меня быстрым оценивающим взглядом.

– Кроме того, ты же получала образование дома, верно? Это будет для тебя новым жизненным опытом. Сможешь восполнить то, что упустила.

– Думаю, тебе будет легко учиться, – нехотя проговорил отец. – Твое образование лучше любого, какое они могут предложить.

«Милый, но сомнительный комплимент, папа».

Я боялась показать, как сильно беспокоит меня задание. Моя решимость уберечь от него Зою не изменилась, но обстоятельства все более усложнялись.

Вновь посещать уроки. Жить в одной комнате с вампиром. Заботиться о безопасности Джил. И хотя я похвалялась, насколько спокойно чувствую себя рядом с вампирами, мысль о том, что придется делить с одним из них жилище – даже с такой вроде бы кроткой девочкой, как Джил, – выбивала меня из колеи. Были и еще кое-какие проблемы…

– Ты тоже будешь притворяться учеником? – спросила я Кита.

Я представила, как одалживаю ему свои тетрадки с конспектами, и меня снова затошнило.

– Конечно нет, – оскорбленно ответил он. – Я слишком взрослый. Я буду связным того региона.

Я готова была побиться об заклад, что Кит секунду назад придумал эту должность.

– Моя работа заключается в том, чтобы все координировать и докладывать о выполнении нашему начальству. И я не собираюсь этим заниматься, если там будет она!

Произнося последнюю фразу, Кит переводил взгляд с одного лица на другое, но не оставалось сомнения, кто такая «она».

– Ну так не занимайтесь, – напрямик заявила Стэнтон. – Сидни едет. Таково мое решение, и я буду отстаивать его в любой высшей инстанции, в какую вы захотите обратиться. Если вы так настроены против ее назначения, мистер Дарнелл, я лично прослежу за тем, чтобы вас перевели из Палм-Спрингса и больше вам не пришлось иметь с Сидни никаких дел.

Взгляды всех присутствующих обратились к Киту, и тот заколебался. Я поняла, что Стэнтон поймала его в ловушку. Нетрудно было сообразить: в Палм-Спрингсе, с его-то климатом, вампиры не слишком активны. Работы у Кита, вероятно, практически не было, не то что у меня в Санкт-Петербурге, где непрерывно приходилось заниматься уничтожением останков. То место было раем для вампиров, как и некоторые другие места в Европе и Азии, куда брал меня с собой отец. Не говоря уже о Праге. Если Кита переведут, он рискует не только получить нагрузку побольше, но и угодить в гораздо худшее место. Потому что, хотя Палм-Спрингс непривлекателен для вампиров, для людей этот город просто прекрасен.

Все это было написано на лице Кита. Он не хотел покидать Палм-Спрингс.

– А если она отправится туда и у меня появятся причины снова подозревать ее в измене?

– Тогда подайте рапорт, – сказал Горовиц, подавляя зевок. Кит явно не произвел на него впечатления. – Как подали бы рапорт о любом другом.

– Тем временем я могу форсировать обучение Зои, – сказал отец, почти извиняясь перед Китом.

Было ясно, на чьей стороне отец. Не на моей. И даже не на стороне Зои.

– Тогда, если ты будешь жаловаться на Сидни, мы сможем ее заменить.

Если жаловаться на меня будет именно Кит, ничего хорошего мне ожидать не приходилось. Но это беспокоило меня далеко не так сильно, как мысль о том, что в дело до сих пор впутана Зоя. Если отец продолжает держать ее в запасе, она все еще в опасности. Алхимики по-прежнему могут ее заполучить – и Кит тоже.

И тогда я поклялась: чего бы это ни стоило, я позабочусь, чтобы у Кита не было причин жаловаться на меня, даже если мне придется кормить его из рук виноградом.

– Прекрасно, – сказал Кит. Похоже, ему было очень трудно выговорить это. – Пусть Сидни туда отправляется… пока. Я буду за тобой наблюдать. – Он впился в меня взглядом. – И не собираюсь тебя подменять. Ты будешь отвечать за то, чтобы контролировать ту девчонку-вампира, и за то, чтобы привозить ее на «кормления».

– На «кормления»? – тупо переспросила я.

Ах да! Конечно. Джил понадобится кровь. На мгновение моя уверенность поколебалась.

Легко говорить о нахождении рядом с вампирами, когда ни одного из них нет поблизости. Еще легче – пока не думаешь о том, что делает вампиров вампирами. Кровь. Та ужасная, противоестественная потребность, которая обеспечивает их существование.

В моей голове промелькнула пугающая мысль – и исчезла так же быстро, как появилась.

«Я что, буду давать ей свою кровь?»

Нет. Что за нелепость! Эту грань алхимики никогда бы не перешли.

Сглотнув, я попыталась скрыть охватившую меня на мгновение панику.

– Какие у вас планы насчет ее «кормлений»?

Стэнтон кивнула Киту.

– Вы объясните?

Думаю, она давала ему шанс ощутить свою значимость, чтобы реабилитироваться после былых поражений. Кит обеими руками ухватился за этот шанс.

– Нам известен всего один морой, живущий в Палм-Спрингсе, – сообщил он.

Глядя на него, внезапно я заметила, как щедро покрыты гелем его взъерошенные светлые волосы. Из-за этого они маслянисто блестели, что вовсе не казалось мне привлекательным. К тому же я не доверяла ни одному парню, использующему больше косметических средств, чем я сама.

– И если хотите знать мое мнение, этот морой – сумасшедший, – продолжал Кит. – Но безобидный сумасшедший, насколько морой вообще может быть безобидным. Он – старый затворник, живущий за городом. У него пунктик насчет моройских властей, он не признает их правительство, поэтому никому не расскажет, где вы с девчонкой находитесь. Но самое главное – у него есть «кормилец», которым он готов поделиться.

Я нахмурилась.

– Вы и вправду хотите, чтобы Джил общалась с каким-то мороем-диссидентом? Главная наша цель – сохранить стабильное правительство. Если мы сведем Джил с бунтовщиком, откуда нам знать, что он не попытается ее использовать?

– Отличный довод, – сказал Михаэльсон.

Казалось, он сам удивился такому своему признанию.

Я не собиралась подрывать репутацию Кита. Просто, как это было мне свойственно, заметила возможную проблему и указала на нее. Но судя по взгляду, который бросил на меня Кит, мое замечание выглядело так, словно я намеренно пыталась дискредитировать его и выставить в дурном свете.

– Мы не расскажем морою, кто она, это же очевидно, – ответил мне Кит. В его здоровом глазу сверкнул гнев. – Было бы глупо о таком распространяться. И он не входит ни в одну из группировок. Он вообще сам по себе. Он уверен, что морои и их стражи подвели его, поэтому не хочет иметь с ними дела. Я скормил ему историю о том, что семья Джил настроена так же антиобщественно, поэтому он проникся к ней сочувствием.

– Ты правильно делаешь, что осторожничаешь, Сидни, – заметила Стэнтон.

Она смотрела одобрительно, как будто ей самой нравилось выступать в мою защиту. Это одобрение многое для меня значило, учитывая, какой свирепой она иногда казалась.

– Мы не можем делать поспешные выводы ни об одном из них. Хотя мы проверили этого мороя у Эйба Мазура, и тот согласился, что морой достаточно безобиден.

– Эйб Мазур? – презрительно усмехнулся Михаэльсон и почесал седеющую бороду. – Да. Я уверен, он специалист в определении того, кто безобиден, а кто нет.

Мое сердце пропустило удар, когда я услышала имя Мазура.

«Не реагируй, не реагируй», – приказала я своему лицу.

И, сделав глубокий вдох, спросила очень, очень осторожно:

– Эйб Мазур – это тот, кто отправится с Джил? Я встречалась с ним раньше… Но мне показалось, вы говорили, что отправится Ивашков.

Если Эйб Мазур будет проживать в Палм-Спрингсе, это сильно все изменит.

Михаэльсон снова ухмыльнулся.

– Нет, мы никогда бы не послали тебя с Эйбом Мазуром. Он просто помог с организацией этого плана.

– А чем так плох Эйб Мазур? – поинтересовался Кит. – Я его не знаю.

Пока Кит говорил, я очень внимательно смотрела на него, выискивая намеки на ложь. Но нет. Его лицо выражало полнейшую невинность и открытое любопытство. Голубые глаза – вернее, один глаз смотрел с редким замешательством, странным при его обычном высокомерии всезнайки. Имя Эйба ни о чем ему не говорило. Я выдохнула – хотя и не осознавала, что задержала дыхание.

– Он негодяй, – категорически заявила Стэнтон. – Он знает слишком много о вещах, о которых ему не следовало бы знать. Он полезен, но я ему не доверяю.

«Негодяй»? Слишком мягко сказано. Эйб Мазур был мороем, которого в России прозвали Змеем. И это говорило о многом. Эйб оказал мне кое-какие услуги, и мне пришлось расплачиваться за них, сильно рискуя. В оплату входила и помощь Розе с побегом. Ну, он называл это оплатой, я же называла шантажом.

У меня не было желания встречаться с ним снова, я с опаской ждала возможных новых просьб с его стороны. Да еще и не к кому было пойти за помощью! Узнай мое начальство, что в придачу к другой моей самовольной деятельности с вампирами я еще и заключала с ними сделки на стороне, оно бы не обрадовалось.

– Никому из них нельзя доверять, – заметил мой отец.

Он начертил правой рукой крест на левом плече – этим знаком алхимики защищали себя от злых сил.

– Да уж, Мазур похуже остальных, – сказал Михаэльсон.

Он сдержал зевок, напомнив всем нам, что сейчас глубокая ночь.

– Итак, все готово?

Все загомонили в знак согласия. Судя по мрачному выражению лица Кита, ему ужасно не нравилось, что все пошло не по его задумке. Но он больше не пытался препятствовать мне в моем решении.

– Думаю, теперь мы можем отправиться в любое время, – сказал Кит.

У меня ушла секунда на осознание того, что «мы» означает его и меня.

– Прямо сейчас? – недоверчиво спросила я.

Он пожал плечами.

– Вампиры собираются скоро двинуться в путь. Нужно позаботиться о том, чтобы для них все было подготовлено. Если будем сменять друг друга за рулем, мы сможем прибыть туда завтра после полудня.

– Отлично, – натянуто сказала я.

Поездка на машине вместе с Китом. Черт!

Но что еще я могла ответить? У меня не было выбора. А даже если бы был, разве я могла в моем нынешнем положении отказываться от какой бы то ни было просьбы алхимиков? Нынче ночью я разыграла все карты, и приходилось верить: лучше быть вместе с Китом, чем в центре переобучения. Кроме того, я только что выдержала жестокую битву, чтобы оправдать себя и уберечь Зою. Мне следовало и дальше демонстрировать свою готовность и способность выполнить что угодно.

Отец отослал меня собирать вещи тем же отрывистым тоном, каким раньше приказал привести себя в приличный вид.

Оставив остальных разговаривать, я тихонько пошла наверх, в свою комнату, все еще не забывая, что мама спит. Благодаря неожиданным поездкам, в которые все детство утаскивал меня отец, я стала специалистом по быстрым и умелым сборам. Вообще-то у меня всегда стояла наготове собранная сумка с туалетными принадлежностями. Сейчас главным была не быстрота, а верное угадывание того, сколько вещей нужно взять с собой. Никто не уточнил, много ли времени уйдет на выполнение задания, и я с тревогой ощущала: вряд ли кто-то знает это. Несколько недель? Целый учебный год? Я слышала, как кто-то упомянул, будто морои хотят отменить закон, из-за которого Джил находилась под угрозой, но этот юридический процесс, похоже, мог занять немало времени. Еще сильнее осложняло ситуацию то, что я даже не представляла, какую одежду носят в средней школе. Была лишь уверена, что в Палм-Спрингсе будет жарко.

В конце концов я уложила свои самые легкие наряды и понадеялась, что мне удастся их стирать.

– Сидни?

Когда Зоя появилась в дверях моей комнаты, я укладывала в сумку ноутбук. Зоя заново заплела косички, теперь они выглядели аккуратнее. Она пыталась произвести впечатление на отца?

– Привет, – улыбнувшись, отозвалась я.

Зоя проскользнула в комнату и закрыла за собой дверь. Я была рада, что она заглянула попрощаться. Я скучала по ней и хотела, чтобы она это знала…

– Почему ты так со мной поступаешь? – требовательно спросила она, не успела я вымолвить ни слова. – Ты знаешь, как унизила меня?

Застигнутая врасплох, на несколько мгновений я утратила дар речи.

– Я… О чем ты говоришь? Я пытаюсь…

– Ты выставила меня некомпетентной! – воскликнула Зоя.

Я с удивлением увидела поблескивающие в ее глазах слезы.

– Ты повторяла и повторяла, что у меня нет опыта и что я не смогу сравниться с тобой и папой! Я выглядела идиоткой перед всеми этими алхимиками. И перед Китом.

– Тебе не нужно производить впечатление на Кита Дарнелла, – быстро сказала я, стараясь держать себя в руках.

При виде ярости на лице Зои я вздохнула и мысленно прокрутила в голове беседу в кабинете. Я не пыталась выставить сестру в дурном свете; я просто приложила все силы, чтобы послали меня, а не ее. Я понятия не имела, что Зоя так к этому отнесется.

– Послушай, я не пыталась поставить тебя в неловкое положение. Я хотела защитить тебя.

Она резко засмеялась, и было странно слышать такой гневный смех от столь ласковой девушки, как Зоя.

– Так вот как ты это называешь? Ты сама сказала, что пыталась получить повышение!

Я скорчила гримасу. Да, я так сказала. Но вряд ли я могла рассказать Зое правду. Ни один человек не знал о том, почему я помогла Розе. Мне было больно оттого, что я лгу своим – особенно сестре, – но я ничего не могла с этим поделать. Как обычно, я почувствовала себя пойманной в ловушку, поэтому ответила уклончиво:

– Ты же никогда не собиралась быть алхимиком. Есть занятия и получше.

– Потому что я не такая смышленая, как ты? – спросила Зоя. – Потому что не говорю на пяти языках?

– Это не имеет никакого отношения к делу, – огрызнулась я. – Зоя, ты замечательная, и, наверное, из тебя получился бы отличный алхимик! Но поверь мне, жизнь алхимиков… Ты не захочешь такой.

Мне хотелось убедить Зою, что она возненавидела бы такую жизнь. Будущее уже не зависело бы от нее, и ей бы никогда уже не пришлось принимать самостоятельные решения. Но мне помешало чувство долга, и я промолчала.

– Я бы справилась, – сказала она. – Я помогла бы защитить нас от вампиров… Если бы так захотел папа.

Ее голос слегка дрогнул, и я внезапно задалась вопросом, что в действительности питало ее желание быть алхимиком.

– Если ты хочешь стать ближе к отцу, найди другой способ. Быть алхимиком, может, и неплохо, но нужно быть готовой к тому, что ты уже не будешь принадлежать себе.

Хотелось бы мне объяснить ей, каково это.

– Ты не захочешь жить такой жизнью.

– Потому что тебе не хочется ею делиться? – выпалила Зоя.

Она была на несколько дюймов ниже меня, но сейчас в ней бушевали такая ярость и такой гнев, что сестра как будто заполняла собой всю комнату.

– Нет! Я не… Ты не понимаешь, – в конце концов только и смогла сказать я.

Мне хотелось раздраженно всплеснуть руками, но я, как всегда, сдержалась.

Взгляд Зои призван был обратить меня в лед.

– О, думаю, я прекрасно все понимаю.

Она резко повернулась и быстро вышла, все еще ухитряясь двигаться тихо. Страх перед отцом был сильнее гнева на меня.

Я уставилась туда, где она только что стояла. Я чувствовала себя отвратительно. Как Зоя могла подумать, что я и впрямь пытаюсь отобрать у нее всю славу и выставить ее в дурном свете?

«Потому что именно так ты и сказала», – заметил мой внутренний голос.

Допустим, но я никак не предполагала оскорбить Зою. Я не знала, что ей хотелось стать алхимиком. Даже теперь я гадала, не желает ли она принять участие в деле по единственной причине: доказать отцу, что чего-то стоит.

Какими бы ни были ее мотивы, теперь уже ничего нельзя было предпринять. Может, мне и не нравилось, сколь деспотически обошлись со мной алхимики, но я все еще горячо верила: своими действиями они защищают людей от вампиров. И если Джил удастся уберечь от ее же народа, это, конечно же, поможет избежать гражданской войны. Я могла выполнить свою работу, и выполнить хорошо. А Зоя… Пусть у нее останется свобода добиваться в жизни чего захочет.

– Почему ты так долго? – спросил отец, когда я вернулась в кабинет.

Беседа с Зоей задержала меня на пару минут, и для отца это было уже слишком большим промедлением. Я даже не попыталась ответить.

– Мы отправляемся, как только ты будешь готова, – сказал мне Кит.

Пока я была наверху, его настроение изменилось. Теперь он излучал дружелюбие, настолько сильное, что удивительно, как все не распознали фальшь. Наверное, Кит решил попытаться вести себя со мной помягче – или в надежде произвести впечатление на остальных, или чтобы ко мне подлизаться. Ведь я могла раскрыть кое-какие его секреты.

Но хотя Кит и нацепил свою поддельную улыбку, в его позе, в том, как он скрестил на груди руки, чувствовалась натянутость. Все это ясно говорило: он не больше меня радуется, что нам предстоит работать вместе.

– Я могу вести машину большую часть времени, – заметил Кит.

– Я и сама могу, – ответила я, пытаясь не смотреть в его стеклянный глаз.

Я не чувствовала себя в безопасности, когда меня вез кто-то с таким ограниченным зрением.

– Мне бы хотелось поговорить с Сидни наедине, прежде чем она отправится в путь. Если не возражаете, – сказал отец.

Никто не возражал, и он провел меня на кухню и закрыл за нами дверь. Несколько мгновений мы просто молча стояли друг против друга, скрестив на груди руки.

Внезапно я понадеялась: отец хочет сказать, что сожалеет о случившемся между нами этой ночью, прощает меня и любит. Честно говоря, я была бы счастлива, если бы он захотел по-отечески проститься со мной наедине.

Отец внимательно в меня всмотрелся; его карие глаза были так похожи на мои. Но я надеялась, что у меня никогда не будет такого холодного взгляда.

– Я не должен говорить, насколько это важно для тебя, для всех нас.

Вот и надейся на отцовскую теплоту.

– Да, сэр, – ответила я. – Не должны.

– Не знаю, сможешь ли ты загладить бесчестье, которое навлекла на нас, сбежав с ними. Но теперь ты сделаешь шаг в нужном направлении. Не повторяй ошибок. Тебя будут проверять. Подчиняйся приказам. Не дай моройке попасть в беду.

Он вздохнул и пробежал рукой по светлым волосам, которые я унаследовала от него.

«Странно, что у нас так много общего, – подумала я, – и все же мы совершенно разные».

– Слава богу, Кит с тобой. Он знает, что делает.

Я напряглась. В отцовском голосе снова прозвучала нотка гордости, как будто Кит был самым замечательным существом, ходившим по земле. Отец позаботился о том, чтобы я получила полное образование, но, когда с нами жил Кит, брал его в поездки и давал ему уроки, в которых мне не доводилось принимать участие. Мы с сестрами выходили из себя. Нам всегда казалось, отец жалеет о том, что у него есть только дочери, и вот вам доказательство. Но сейчас кровь моя кипела и я стискивала зубы не из-за ревности.

На мгновение мне подумалось: «А если я расскажу отцу о том, что знаю? Что он подумает тогда о своем драгоценном мальчике?»

Но, глядя в жесткие глаза отца, я ответила на собственный вопрос: «Он никогда мне не поверит».

И тут же пришло воспоминание о другом голосе, об испуганном умоляющем лице девушки, которая смотрела на меня большими карими глазами.

«Не рассказывай, Сидни. Поступай как угодно, но не рассказывай о том, что сотворил Кит».

Я не могла ее предать.

Отец все еще ожидал ответа.

Сглотнув, я кивнула.

– Да, сэр.

Отец приподнял брови, явно довольный, и грубо похлопал меня по плечу. Уже давно он не позволял себе жеста, так сильно смахивавшего на выражение привязанности. Я вздрогнула – и от удивления, и оттого, что нервы мои из-за всей ситуации были на пределе.

– Хорошо.

Отец двинулся к кухонной двери, потом помедлил, оглянувшись на меня:

– Может быть, для тебя еще не все потеряно.

Глава третья

Поездка до Палм-Спрингса была сущим мучением.

Поскольку меня вытащили из постели посреди ночи, я чувствовала себя разбитой и не смогла уснуть, даже когда Кит в свою очередь сел за руль. Слишком много всего нужно было обдумать: Зоя, моя репутация, эта миссия… В голове крутились тревожные мысли. Мне просто хотелось разрешить все проблемы в жизни. И манера Кита вести машину ничуть не облегчала моего состояния.

А еще меня расстраивало, что отец не дал мне попрощаться с мамой. Он все время продолжал твердить: мы должны дать ей поспать, – но я знала правду. Он боялся, вдруг мама, узнав о моем отъезде, попытается нас остановить. Она пришла в ярость из-за моего последнего задания: я отправилась на край света в одиночку лишь для того, чтобы вернуться без малейшего понятия о том, как все будет дальше. По мнению мамы, алхимики просто беспардонно меня использовали. Она сказала отцу – это к лучшему, что от меня, похоже, отказались. Не знаю, смогла бы мама по-настоящему помешать важным планам, но мне не хотелось ставить под угрозу Зою.

От отца я не ожидала теплых прощальных слов, но было странно уезжать, оставляя отношения с сестрой и матерью в таком подвешенном состоянии.

Когда наступил рассвет, ненадолго превративший пустынный пейзаж Невады в сияющее море красного и золотого, я полностью отказалась от попыток уснуть и решила вместо этого как следует зарядиться энергией. Купив пол-литровую порцию кофе на заправочной станции, я заверила Кита, что до конца путешествия смогу править сама. Он с радостью уступил мне руль, но, вместо того чтобы уснуть, тоже купил кофе и весь оставшийся путь доставал меня болтовней.

До сих пор он всячески старался демонстрировать свое новое дружелюбное поведение, и я почти скучала по его прежней враждебности. Я была полна решимости не дать ему ни малейшего повода усомниться во мне, поэтому очень старалась улыбаться и понимающе кивать. Это было трудновато делать со стиснутыми зубами.

Иногда беседа была не так уж тягостна. Деловые разговоры я могла перенести, а нам все еще требовалось обсудить множество деталей. Кит рассказал все, что знал о школе, и я внимательно выслушала описание моего будущего дома.

Частная подготовительная школа Амбервуд, очевидно, была престижным заведением, и я гадала, не сойдет ли она за колледж. Как и требовалось алхимику, я обладала всеми необходимыми для работы знаниями, но что-то во мне всегда жаждало узнавать все больше. Я научилась довольствоваться чтением и самостоятельными исследованиями, но все же колледж – или даже простое пребывание рядом с теми, кто знает больше и может чему-то меня научить, – о таком я мечтала уже давно.

Как «ученица выпускного класса» я буду иметь привилегии выходить за пределы кампуса, и первым же делом после получения фальшивых документов следовало раздобыть для меня машину. То, что я буду иметь относительную свободу, делало положение вещей чуть более сносным. Хотя Кит с таким энтузиазмом принялся обеспечивать меня собственным транспортом явно лишь для того, чтобы я могла взвалить на себя любую работу, которая подвернется на этом задании.

Кит просветил меня насчет еще одной детали. Я о ней не подумала, а ведь следовало бы.

– Ты и эта девчонка, Джил, будете записаны в школу как сестры, – сообщил он.

– Что?

То, что моя хватка на руле не дрогнула, служило мерилом моего самоконтроля. Жить с вампиром – одно, но быть родственницей вампира?

– Почему? – вопросила я.

Краем глаза я увидела, как Кит пожал плечами.

– А почему бы и нет? Это объяснит, почему ты так часто будешь находиться с ней рядом. И это хороший предлог, чтобы вы жили в одной комнате. Обычно школы не селят вместе учащихся разного возраста, но… Ваши «родители» пообещали щедрое денежное пожертвование, которое заставило школу изменить обычные порядки.

Я была так ошеломлена, что меня даже подвела естественная реакция и, против обыкновения, мне не захотелось влепить Киту пощечину, когда тот закончил говорить с самодовольным хихиканьем.

Я знала, что мы будем жить вместе… Но сестры? Это было… странно. Нет, не просто странно. Нелепо.

– Безумие, – выговорила наконец я, все еще слишком потрясенная, чтобы дать более распространенный ответ.

– Это всего лишь на бумаге, – отозвался Кит.

Верно. Но играть роль родственницы вампира? В этом было нечто такое, что перевернуло вверх тормашками весь привычный для меня порядок вещей. Я гордилась тем, как научилась держаться рядом с вампирами, но этому помогала вера в мое особое предназначение. Ведь на самом деле я – посторонняя, деловой партнер, временный и отстраненный. Роль сестры Джил уничтожала разделительные линии и предусматривала близкие отношения, а я не была уверена, готова ли к такому.

– Не так уж плохо для тебя будет жить с одной из них, – заметил Кит, барабаня пальцами по окну и еще сильнее раздражая меня этим. Что-то в его слишком небрежной манере заставляло ожидать ловушки. – Тебе не привыкать.

– Сомневаюсь, – сказала я, тщательно подбирая слова. – Я провела с ними максимум неделю. И вообще-то большую часть времени – с дампирами.

– Невелика разница, – пренебрежительно отозвался он. – Пожалуй, дампиры еще хуже. Они омерзительны. Не люди, но и не вполне вампиры. Плоды противоестественных союзов.

Я не сразу ответила, притворившись, будто сосредоточена на дороге. В словах Кита была истина, в которую верили алхимики. С детства я усвоила: обе расы вампиров, морои и стригои, темные и дурные. Им нужна кровь, чтобы выжить. Какое существо пьет кровь другого? Это было отвратительно, и меня тошнило от одной мысли о том, что скоро я буду возить моройку на «кормления». Но дампиры… С ними все обстояло сложнее. По крайней мере, для меня теперь обстояло сложнее. Дампиры были наполовину людьми, наполовину вампирами, появившимися в те времена, когда две расы свободно вступали в связи. За века вампиры отдалились от людей, и обе наши расы теперь сходились на том, что подобные отношения – табу. Однако раса дампиров продолжала существовать вопреки всему, вопреки тому факту, что дампиры не в состоянии порождать дампиров. Они могут появляться только от мороев и от людей, и множество мороев были готовы выполнить эту задачу.

– Верно? – спросил Кит.

Он уставился на меня, ожидая, когда я соглашусь, что дампиры омерзительны, – а может, надеясь на мои возражения. В любом случае я слишком долго молчала.

– Верно, – сказала я и выдала стандартную фразу алхимиков: – В определенной степени они хуже мороев. Этой расе не положено существовать.

– Ты меня на секунду напугала, – сказал Кит.

Я наблюдала за дорогой, но почти не сомневалась, что он мне подмигнул.

– Я уж было подумал, ты собираешься их защищать. Да, зря я верил историям, которые о тебе рассказывают. Я вполне понимаю, почему ты захотела перетянуть на себя всю славу – но, должно быть, чертовски трудно работать с одним из них.

Я не могла объяснить, почему, проведя немного времени с Розой Хэзевей, легко забыть, что она дампир. Даже физически дампиры и люди практически неразличимы. Роза была полна жизни и энергии и казалась человеком в большей степени, чем я сама. Роза явно не согласилась бы на такое задание, сказав лишь с притворной кротостью: «Да, сэр». Не то что я.

Роза не смирилась даже тогда, когда ее упрятали в тюрьму и против нее было все моройское правительство. Шантаж Эйба Мазура послужил катализатором, подстегнувшим меня помочь ей, но я все равно никогда не верила, что Роза совершила убийство, в котором ее обвиняли. Эта уверенность вкупе с нашей хрупкой дружбой заставила меня нарушить правила алхимиков и помочь Розе и ее бойфренду-дампиру, грозному Дмитрию Беликову, ускользнуть от властей.

И в течение всего этого времени я с некоторым изумлением наблюдала, как Роза сражается с целым миром. Я не могла завидовать тому, кто не был человеком, но, без сомнения, восхищалась ее силой – и тем, что она отказывалась сдаться при любых обстоятельствах.

И опять-таки я вряд ли могла рассказать обо всем этом Киту. И, вопреки его разлюбезному поведению, все еще ни на мгновение не поверила, что он внезапно примирился с моей компанией.

Я слегка пожала плечами.

– Я считала, что риск оправдан.

– Понятно, – отозвался он, поняв, что я не собираюсь продолжать. – В следующий раз, решив в делах с вампирами и дампирами нарушать приказы, позаботься о прикрытии, чтобы не влипнуть слишком сильно.

Я усмехнулась.

– Я не собираюсь снова нарушать приказы.

По крайней мере, это было правдой.

Мы добрались до Палм-Спрингса под вечер и немедленно приступили к делу. К тому времени мне до смерти хотелось спать, и даже Кит – несмотря на его говорливость – выглядел слегка усталым. Но мы получили весточку, что Джил и ее сопровождающий прибывают завтра, значит, у нас оставалось очень мало времени на то, чтобы все подготовить.

Во время визита в частную школу Амбервуд выяснилось, что моя «семья» увеличилась. Очевидно, прибывающего вместе с Джил дампира тоже записали в школу под видом нашего брата. И Кит также собирался быть нашим братом. Когда я спросила его об этом, он объяснил, что нам нужен кто-нибудь из местных, чтобы выступать в качестве нашего опекуна в том случае, если меня или Джил надо будет отпросить с занятий или добиться еще каких-нибудь привилегий. Поскольку наши воображаемые родители жили в другом штате, связаться с ним будет быстрее. Я не могла оспорить эту логику, хотя и считала – быть его родственницей еще омерзительнее, чем иметь в семье дампиров или вампиров. А это говорило о многом.

В водительских правах, полученных от признанного изготовителя фальшивых документов, значилось, что теперь я – Сидни Катерина Мелроуз, из Южной Дакоты. Мы выбрали Южную Дакоту, поскольку решили – местные видели не слишком много водительских прав из этого штата и не смогут распознать изъяна в моих. Не то чтобы я ожидала, будто в документах окажется изъян. Алхимики не связываются с людьми, делающими второсортную

работу. А еще мне нравилось изображение горы Рашмор[4] на правах. Это было одно из немногих мест в Соединенных Штатах, где я никогда не бывала.

День завершился событием, которое я предвкушала больше всего: поездкой к торговцу машинами. Я и Кит препирались с ним почти так же сильно, как друг с другом. Меня вырастили в духе практичности и научили сдерживать свои чувства, но я любила автомобили. То была одна из немногих черт, унаследованных мною от мамы. Она работала механиком, и лучшие воспоминания детства были связаны с нашей совместной работой в гараже. Самую большую слабость я питала к спортивным и старинным автомобилям, особенно с мощными двигателями. Я знала, что такие двигатели вредны для окружающей среды, и все равно они мне так нравились! Однако и речи не было о том, чтобы задействовать такие машины для нашей работы. Кит доказывал, что мне нужна машина, способная вместить любых пассажиров и любой груз и не привлекающая к себе особенного внимания. И вновь я уступила, согласившись с его доводами, как примерный юный алхимик.

– Но не понимаю, почему это обязательно должен быть «универсал», – проворчала я.

Приценяваясь, мы дошли до нового «субару-аутбека», который отвечал большинству наших требований. Я почувствовала: это то, что мне надо. С ним будет легко управляться, у него приличный двигатель, и все же…

– Я чувствую себя наседкой с выводком детей, – сказала я. – Для этого я слишком молода.

– Многодетные мамаши водят минивэны, – ответил Кит.

Я сердито посмотрела на него.

– А машина обязательно должна быть коричневой?

Да, если мы хотели купить именно эту машину. Как бы мне ни хотелось иметь голубую или красную, решающую роль сыграло то, что машина была новой. Моя утонченная натура противилась тому, чтобы водить «чужую» машину. Я хотела иметь свою – сияющую, новую и чистую.

Итак, мы заключили сделку, и я, Сидни Мелроуз, стала гордой владелицей коричневого «универсала». Я назвала его Латте, надеясь, что моя любовь к кофе скоро перейдет на машину.

Как только с делами было покончено, Кит оставил меня, чтобы отправиться в свою квартиру в центре Палм-Спрингса. Он предложил мне остановиться там, но я вежливо отказалась и взяла комнату в гостинице, испытывая благодарность к алхимикам за их щедрость. Честно говоря, я бы расплатилась собственными деньгами, только бы спасти себя от пребывания под одной крышей с Китом Дарнеллом.

Я заказала обед в номер, наслаждаясь одиночеством после долгих часов, проведенных в машине с Китом. Потом переоделась в пижаму и решила позвонить маме. Хоть я и радовалась тому, что на время избавлюсь от неодобрения отца, но скучала по маме.

– Это хорошие машины, – сказала она, узнав о моем приобретении.

Мама всегда была вольнолюбива, чем сильно отличалась от моего отца. Он учил меня химическим формулам, а она показывала мне, как самой сменить в машине масло. Алхимики не обязаны сочетаться браком с другими алхимиками, но я всегда удивлялась, какие же силы свели моих родителей вместе. Может, отец не был таким строгим в молодые годы.

– Наверное, – ответила я все еще обиженным тоном.

Мама была одной из немногих, рядом с кем я могла не прикидываться идеальной и не изображать постоянную радость. Она всегда ратовала за открытое выражение своих чувств.

---

[4] Гора Рашмор – одна из самых известных достопримечательностей США, национальный мемориал. В ее горной породе высечен гигантский барельеф со скульптурными портретами четырех президентов США: Джорджа Вашингтона, Томаса Джефферсона, Теодора Рузвельта и Авраама Линкольна.

– Понимаешь, меня просто раздражает, что мне почти не дали слова.

– Раздражает? Я взбешена из-за того, что он даже не поговорил со мной об этом! – воскликнула мама. – Не могу поверить, как это он взял и умыкнул тебя! Ты моя дочь, а не товар, который он может запросто перевозить!

Странно, но мать на мгновение напомнила мне Розу – обе бесстрашно говорили все, что думают. Такая черта казалась мне странной, но иногда, размышляя о своем тщательном самоконтроле и сдержанности, я гадала: может, как раз я странная?

– Он не знал всех деталей, – сказала я, машинально заступаясь за отца.

Если бы родители злились друг на друга, при отцовским-то нраве, жизнь в доме стала бы невыносимой для Зои, не говоря уж о маме. Лучше позаботиться, чтобы там царил мир.

– Ему не рассказали всего.

– Иногда я их ненавижу! – В мамином голосе слышалась угроза. – Иногда я ненавижу и его тоже.

Что сказать в ответ? Конечно, я негодовала на отца, но он все-таки был моим отцом. Множество трудных решений он принимал из-за алхимиков, и, хотя иногда я чувствовала, что задыхаюсь в поставленных мне тесных рамках, работа алхимиков была важна, я в этом не сомневалась. Людей следовало защищать от знания о вампирах. В противном случае началась бы паника. Хуже того, это могло бы загнать некоторых слабовольных людей в рабство к стригоям в обмен на бессмертие и окончательное разрушение души. Такое происходило чаще, чем нам бы хотелось.

– Все в порядке, мама, – успокаивающе проговорила я. – Со мной все хорошо. Мне больше не грозит беда, я даже не выехала из Соединенных Штатов.

Вообще-то я не знала, насколько правдивы мои слова о «беде», но решила хоть немного утешить ее. Стэнтон велела мне хранить в секрете дислокацию в Палм-Спрингсе, но, если я раскрою, что мы не за границей, это не слишком повредит и, возможно, убедит маму, что меня ждет работа не труднее обычной. Прежде чем я повесила трубку, мы поговорили еще немножко, и мама рассказала, что получила весточку от моей сестры Карли. К счастью, у нее было все хорошо. Мне ужасно хотелось узнать, как там Зоя, но я устояла против желания попросить ее к телефону. Я боялась – если Зоя подойдет, выяснится, что она все еще на меня злится. Или, хуже того, вообще не желает со мной разговаривать.

Я отправилась спать в меланхолическом настроении, жалея, что не могла раскрыть маме все свои страхи и показать свою неуверенность. Разве не так ведут себя нормальные матери и нормальные дочери? Я знала – мама с готовностью бы меня выслушала. Это мне нелегко было открыться. Для нормального подростка я была слишком посвящена в секреты алхимиков.

Открыв глаза после долгого сна, я увидела льющийся в окно солнечный свет и почувствовала себя лучше. Мне предстояла работа, и поставленная передо мной новая цель заставила меня стряхнуть чувство жалости к себе. Я вспомнила, что делаю это ради Зои, ради мороев и ради людей. Это помогло мне сосредоточиться и отбросить неуверенность – по крайней мере, в данный момент.

Около полудня я заехала за Китом, и мы отправились за город, чтобы встретиться с Джил и тем затворником-мороем, который будет нам помогать.

Киту было что рассказать об этом морое по имени Кларенс Донахью. Кларенс жил в Палм-Спрингсе уже три года, с тех пор как в Лос-Анджелесе скончалась его племянница. Очевидно, смерть племянницы тяжело подействовала на него. Кит встречался с Донахью пару раз во время прошлых заданий и все время отпускал шуточки насчет того, что Кларенс вот-вот спятит.

– Он – хранилище кровяных шариков без шариков в голове, – сказал Кит, хихикая.

Держу пари, он выжидал немало дней, чтобы отпустить эту шутку. Шутки его были вульгарными – и в придачу глупыми, – но чем ближе мы подъезжали к дому Кларенса, тем тише и тревожнее становился Кит. Кое-что пришло мне в голову.

– Со сколькими мороями ты уже встречался? – спросила я, когда мы съехали с главной дороги и свернули на длинный извилистый подъездной путь.

Дом был похож на особняки в фильмах ужасов – приземистый, из серого кирпича, совершенно не гармонирующий с остальной виденной нами архитектурой Палм-Спрингса. Единственным напоминанием о том, что мы в Южной Калифорнии, служили вездесущие пальмы вокруг. Странное сочетание.

– Я повидал достаточно мороев, – уклончиво ответил Кит. – Мне под силу находиться рядом с ними.

Его уверенный тон казался натянутым. Я поняла: несмотря на его браваду, несмотря на комментарии насчет рас мороев и дампиров и суждения о моих действиях, Кит на самом деле очень, очень нервничал по поводу того, что ему придется находиться рядом с не-людьми. Ничего странного. Большинство алхимиков были такими же. Огромная часть нашей работы даже не включала в себя взаимодействие с миром вампиров, поскольку заниматься приходилось миром людей. Записи следовало спрятать, свидетелей подкупить. Большинство алхимиков очень мало контактировали с предметами своего изучения; подавляющая часть знаний была почерпнута из историй и сведений, передававшихся в семьях из поколения в поколение. Кит сказал, что встречался с Кларенсом, но не упоминал, что ему приходилось проводить время с другими мороями или дампирами – и уж наверняка не с целой их группой. А мы собирались встретиться именно с группой.

Мысль о том, что придется общаться с вампирами, радовала меня не больше, чем Кита, но, к счастью, и не пугала так, как раньше. Я закалилась благодаря Розе и ее компании. Я даже бывала при моройском королевском дворе, который раньше посещали очень немногие алхимики. Если уж я уцелела в самом сердце их цивилизации, наверняка смогу справиться с тем, что ждет меня в этом доме. Правда, было бы немного легче, если бы дом Кларенса поменьше смахивал на жуткий особняк с привидениями из фильма ужасов.

Мы подошли к двери, демонстрируя единство в стиле одежды – таков официальный дресскод алхимиков. Каковы бы ни были его недостатки, Кит неплохо привел себя в порядок. На нем были штаны цвета хаки и белая рубашка с темно-синим галстуком – рубашка с короткими рукавами, хотя я сомневалась, что это сильно помогало от жары. Стояло начало сентября, и температура доходила до тридцати двух градусов, когда я покидала гостиницу. Я смотрелась не хуже в коричневой юбке, колготках и блузке в цветочек с очень коротким рукавом.

Я запоздало сообразила, что мы чем-то похожи.

Кит поднял руку, но дверь отворилась прежде, чем он успел постучать. Я вздрогнула, слегка утратив решимость, несмотря на успокоительные заверения, которые только что себе дала.

Судя по лицу парня, открывшего дверь, он удивился при виде нас. В одной руке он сжимал пачку сигарет и выглядел так, будто шел на улицу покурить. Приостановившись, парень окинул нас быстрым оценивающим взглядом.

– Ну что, будете обращать меня или втюхивать мне сайдинг?

Этого обезоруживающего заявления оказалось достаточно, чтобы тревога моя улетучилась. Парень был мороем чуть постарше меня, с каштановыми волосами, которым, без сомнения, тщательно старался придать растрепанный вид. В отличие от Кита с его смехотворными потугами уложить прическу с помощью геля этот парень и в самом деле добился успеха, так что волосы его смотрелись отлично. Как и все морои, он был бледен, высок и

строен. Он рассматривал нас изумрудно-зелеными глазами; лицо его мог бы изваять один из классических мастеров, которыми я так восхищалась.

Потрясенная, я отмахнулась от этого сравнения, как только оно пришло мне в голову. Перед нами был, в конце концов, вампир. Смешно было любоваться им так, словно это классный человеческий парень.

– Мистер Ивашков, – вежливо сказала я, – приятно видеть вас снова.

Он нахмурился и обозрел меня с высоты своего роста.

– Я вас знаю. Откуда же?

– Мы…

Я хотела сказать «знакомы», но поняла, что это не совсем так, ведь нас не представили друг другу официально во время нашей предыдущей встречи. Он просто присутствовал тогда, когда Стэнтон и меня притащили ко двору мороев для допроса.

– Мы встречались в прошлом месяце. При вашем дворе.

В его глазах засветилось узнавание.

– Верно. Алхимик.

На мгновение он задумался, а потом удивил меня, припомнив мое имя. Когда я была при дворе мороев, там творилось такое, что я не ожидала произвести впечатление.

– Сидни Сейдж.

Я кивнула, пытаясь не казаться расстроенной оттого, что меня узнали. А вот Кит неожиданно застыл рядом со мной. Он заявил, что ему «под силу» находиться рядом с мороями, но «под силу», очевидно, означало – смотреть на них разинув рот и не произносить ни слова. Продолжая мило улыбаться, я сказала:

– Кит, это Адриан Ивашков. Адриан, это мой коллега, Кит Дарнелл.

Адриан протянул руку, но Кит ее не пожал. То ли потому, что был потрясен до глубины души, то ли потому, что не захотел прикасаться к вампиру, уж не знаю. Адриана, похоже, это не смутило. Он уронил руку и, шагнув мимо нас, вытащил зажигалку. Потом кивком головы указал на дверной проем.

– Вас ждут. Входите.

После этого он наклонился к уху Кита и зловещим тоном добавил:

– Если. Вы. Осмелитесь.

Ткнул Кита в плечо и разразился зловещим хохотом: «Буа-га-га!»

Кит подскочил чуть ли не на три метра. Адриан захихикал и зашагал по садовой дорожке, на ходу прикуривая.

Я сердито уставилась ему вслед – хотя мне хотелось смеяться – и подтолкнула Кита к двери:

– Пошли.

На меня повеяло прохладным воздухом.

Во всяком случае, Кит как будто ожил.

– Это что такое было? – вопросил он, когда мы шагнули в дом. – Он практически на меня напал!

– То, что ты выглядел как идиот! И он тебе ничего не сделал. Ты не мог вести себя так, будто еще больше перепуган? Они знают, что не нравятся нам, а вид у тебя был такой, словно ты вот-вот пустишься наутек.

Должна признаться, мне доставило удовольствие видеть Кита застигнутым врасплох, но чисто человеческая солидарность не допускала того, чтобы я переметнулась на другую сторону.

– Не было у меня такого вида! – заспорил Кит, хотя явно был смущен.

Мы прошли по длинному коридору с темным деревянным полом и отделкой, которая, казалось, поглощала весь свет.

– Господи, что такое с этими людьми? – спросил Кит. – А, я знаю. Они не люди.

– Тише, – сказала я, слегка обескураженная горячностью, прозвучавшей в его тоне. – Они здесь. Разве ты не слышишь?

В конце коридора виднелась массивная застекленная дверь. Матовые витражные стекла скрывали то, что находилось внутри, но можно было расслышать негромкий гул голосов.

Я постучала и подождала приглашения войти. Гнев на лице Кита угас, мы обменялись быстрыми сочувственными взглядами. Вот оно. Начинается.

Мы шагнули в комнату.

Когда я увидела, кто в ней находится, мне пришлось сделать усилие, чтобы у меня не отвисла челюсть, как недавно у Кита.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Я издевалась над Китом за то, что тот боится быть рядом с вампирами и дампирами, но теперь, оказавшись лицом к лицу с целой их компанией, внезапно почувствовала себя в ловушке. Стены как будто наступали на меня, и думать я могла только о клыках и крови. Мой мир пошатнулся – и не только из-за присутствия здесь сразу нескольких вампиров.

Среди них я увидела Эйба Мазура.

«Дыши, Сидни. Дыши», – велела я себе.

Но это оказалось нелегко. С Эйбом у меня были связаны тысячи страхов, тысячи затруднительных положений, в которые я попадала.

Окружающий мир постепенно обрел четкие очертания, и я снова взяла себя в руки. В конце концов, тут находился не только Эйб, и я заставила себя сосредоточиться на остальных и не обращать на него внимания.

В комнате кроме Эйба сидели еще трое, и я узнала двоих из них. Незнакомец, пожилой морой с редеющими волосами и длинными седыми усами, очевидно, был хозяином дома, Кларенсом.

– Сидни!

Это произнесла Джил Мастрано, ее глаза восторженно засияли. Мне нравилась Джил, но я не думала, что произвела на эту девушку впечатление, оправдывающее такое теплое приветствие. Судя по виду Джил, она готова была подбежать и обнять меня, и я молилась, чтобы она этого не сделала. Ни к чему Киту такое видеть. А еще важнее – ни к чему, чтобы Кит об этом доложил.

Рядом с Джил сидел дампир, которого я знала так же, как Адриана, – то есть видела его, но нас никогда друг другу не представляли. Эдди Кастиль тоже присутствовал во время моего допроса при королевском дворе и, если память мне не изменяла, сам угодил в беду. Он во всех отношениях казался человеком: атлетического сложения, с лицом загорелым и обветренным – ясно было, что он много времени проводит на солнце. У него были рыжевато-каштановые волосы и орехового цвета глаза, которые разглядывали меня и Кита дружелюбно, но настороженно. Таковы стражи. Они всегда начеку, всегда высматривают ближайшую угрозу. В некотором роде это меня успокаивало.

Я вновь вернулась взглядом к Эйбу, который за мной наблюдал. Его явно развлекало то, что я избегаю на него смотреть. На лице его блуждала хитрая улыбка.

– Ну, мисс Сейдж, – медленно проговорил он, – вы не собираетесь со мной поздороваться?

Глава четвертая

Эйб умел преподнести себя так, что многие люди лишались дара речи, даже если они ничего о нем не знали.

Несмотря на жару на улице, морой был в костюме и при галстуке. Костюм, правда, белого цвета, но все равно казался плотным не по погоде. Рубашка и галстук – пурпурные, подобно розе, торчащей из нагрудного кармашка. В ушах и на шее поблескивали золотые украшения. Эйб был родом из Турции, и цвет его кожи был смуглее, чем у большинства мороев, но все равно бледнее, чем у людей, таких как я и Кит. Вообще-то цветом лица Эйб напоминал мне загорелого человека, который долго болел.

– Здравствуйте, – натянуто проговорила я.

Его улыбка превратилась в откровенную ухмылку.

– Приятно видеть вас снова.

– Всегда рада.

Мои лживые слова прозвучали неестественно, но это лучше, чем если бы в них слышался испуг.

– Нет-нет, – сказал Эйб. – Это я рад.

– Как скажете, – отозвалась я.

Это позабавило его еще больше.

Кит снова застыл, поэтому я зашагала к пожилому морою и протянула руку, чтобы по крайней мере один из нас выглядел хорошо воспитанным.

– Вы мистер Донахью? Я Сидни Сейдж.

Кларенс улыбнулся и сжал мою руку сморщенной рукой. Я умудрилась не вздрогнуть. В отличие от большинства мороев, с которыми я встречалась, Кларенс не прятал клыки, когда улыбался, и это почти сорвало с меня маску спокойствия. Да, как бы сильно порой вампиры ни напоминали людей, они все-таки вампиры.

– Я так рад с вами познакомиться, – сказал Кларенс. – Слышал о вас много хорошего.

– Неужели? – спросила я, выгибая бровь и гадая, с кем он обо мне говорил.

Кларенс многозначительно кивнул:

– Добро пожаловать в мой дом. Приятно принимать такую большую компанию.

Вслед за этим все перезнакомились. Эдди и Джил вели себя сдержанно, но дружелюбно.

Кит никому не пожал руки, но, по крайней мере, перестал пускать слюни. Он занял предложенное кресло и изобразил высокомерие, которое, наверное, должно было сойти за уверенность в себе. Я надеялась, что он не поставит нас в неловкое положение.

– Извините, – сказал Эйб, подавшись вперед. Его темные глаза мерцали. – Вы сказали, вас зовут Кит Дарнелл?

– Да, – ответил Кит.

Он с любопытством рассматривал Эйба, без сомнения вспоминая беседу алхимиков в Солт-Лейк-Сити. Несмотря на браваду Кита, я отчетливо видела его тревогу. Эйб всегда так действовал на людей.

– А в чем дело? – спросил Кит.

– Да нет, ничего, – ответил Эйб.

Его взгляд переместился с Кита на меня, потом обратно.

– Просто имя кажется знакомым, вот и все.

– Мой отец – важная фигура среди алхимиков, – надменно проговорил Кит.

Он слегка расслабился, вероятно думая, что истории про Эйба преувеличены. Глупец.

– Вы, конечно же, слышали о моем отце.

– Конечно, – сказал Эйб. – Уверен, в этом-то и дело.

Он намеренно говорил небрежным тоном, чтобы никто не заподозрил его во лжи. Только я знала настоящую причину, по которой Эйб знаком с Китом-старшим, но не собиралась ее раскрывать. Я понадеялась, что Эйб не станет продолжать свои намеки. Наверняка он вел себя так только для того, чтобы меня раздразнить.

Я попыталась перевести беседу в другое русло и получить ответы на собственные вопросы.

– Я не знала, что вы к нам присоединитесь, мистер Мазур, – произнесла я таким же небрежным тоном, каким говорил он.

– Вы же знаете, что можете звать меня просто Эйб, – отозвался он. – И к сожалению, я не останусь. Я просто заглянул, чтобы убедиться, прибыла ли группа в целости и сохранности, – и чтобы лично повстречаться с Кларенсом.

– Очень мило с вашей стороны, – сухо проговорила я, искренне сомневаясь, что мотивы Эйба столь прозрачны.

Если я чему и научилась, так это тому, что все имеет скрытый смысл, когда в дело замешан Эйб Мазур. Он был своего рода кукловодом, хотел не только наблюдать, но и контролировать.

Эйб с победным видом улыбнулся:

– Я всегда стремился помогать другим в беде.

– Да, – внезапно произнес новый голос. – Именно это и приходит мне на ум, когда я о тебе думаю, старик.

Я не предполагала, что чье-то присутствие может потрясти меня больше, чем присутствие Эйба, но ошибалась.

– Роза?

Это имя слетело с моих губ как вопрос, хотя не было сомнений в том, кто вошел в комнату. В конце концов, существовала лишь одна Роза Хэзевей.

– Привет, Сидни, – произнесла она с кривой усмешкой.

Ее сверкающие темные глаза смотрели дружелюбно, но оценивали всех в этой комнате, как и глаза Эйба. Это выдавало в ней стража. Роза была примерно моего роста и одета не для парада – в джинсы и красную безрукавку. Но в ее красоте было нечто чуждое и опасное, выделявшее ее из толпы. В этой темной душной комнате она походила на тропический цветок. Ядовитый цветок. Я никогда не встречалась с ее матерью, но было сразу заметно, что во внешности Розы, например в длинных темно-каштановых волосах, прослеживалась турецкая кровь Эйба.

Роза остановила взгляд наКите и вежливо кивнула:

– Здравствуй, второй алхимик.

Кит вытаращил на нее глаза, но я не могла понять, ведет ли он себя так потому, что не-люди в комнате все больше перевешивают в численности людей, или просто реагирует на необычность Розы.

– Я… Я Кит, – наконец, запинаясь, выговорил он.

– Роза Хэзевей, – откликнулась она.

Кит вытаращился еще больше, услышав это имя. Роза пересекла комнату, направившись к Кларенсу, и я заметила, что ее привлекательность во многом определяется тем, как она выделяется среди окружения. Выражение ее лица смягчилось, когда она обратилась к старику:

– Я проверила периметр дома, как вы просили. Вы максимально позаботились о безопасности, хотя замок на задней двери, вероятно, следует сменить.

– Вы уверены? – недоверчиво спросил Кларенс. – Он новехонький.

– Может, и был новехоньким, когда построили этот дом, – раздался еще один голос.

Посмотрев на дверь, я поняла, что Роза вошла не одна, но меня слишком удивило ее появление, чтобы заметить это. Опять-таки в этом вся Роза. Она всегда привлекает к себе внимание.

– С тех пор как мы сюда переехали, он заржавел.

Спутник Розы был мороем, и это снова заставило меня занервничать. Теперь в комнате насчитывалось четыре мороя и два дампира. Я очень пыталась не перенимать манеры Кита – тем более что некоторых присутствующих уже знала, – но трудно было прогнать ошеломляющее ощущение различия «нас» и «их». Морои проходят возрастные стадии, как и люди, и только что вошедший парень был, по моим прикидкам, примерно моего возраста, самое большее – возраста Кита. Приятное, можно сказать, лицо, черные вьющиеся волосы и серые глаза. Парень улыбнулся почти искренней улыбкой, хотя в его позе чувствовалось легкое беспокойство. Он не сводил заинтригованного взгляда с меня и Кита. Мне подумалось, что, возможно, он мало времени проводил в человеческом обществе. Большинство мороев нечасто общались с людьми, хотя и не разделяли страхов насчет нашей расы, какие мы питали в отношении их народа. Но с другой стороны, наша раса не использовала их в качестве пищи.

– Я – Ли Донахью, – сказал парень, протянув руку.

И снова Кит не принял руки, но я пожала ее и представила нас обоих. Ли с удивлением переводил взгляд с меня на Кита и обратно.

– Алхимики, верно? Я никогда не встречался ни с одним из вас. У вас красивые татуировки, – сказал он, глядя на золотую лилию у меня на щеке. – Я слышал об их магической силе.

– Донахью? – переспросил Кит и перевел взгляд с Ли на Кларенса. – Вы родственники?

Ли снисходительно посмотрел на Кларенса.

– Он мой отец.

Кит нахмурился.

– Но вы здесь не живете, верно?

Я удивилась, что именно это вывело его из оцепенения. Может, Кита разозлила собственная неосведомленность. Ведь Палм-Спрингс был его участком, и он всегда считал Кларенса единственным здешним мороем.

– Обычно не живу, – ответил Ли. – Я учусь в колледже в Лос-Анджелесе, но в этом семестре у меня больше свободного времени. Вот мне и захотелось повидаться с отцом.

Эйб взглянул на Розу.

– Видишь? – спросил он. – Вот это преданность.

В ответ та возвела глаза к потолку.

Похоже, у Кита имелись еще вопросы на эту тему, но Кларенс не мог забыть недавно сделанного замечания.

– Я мог бы поклясться, что менял замок.

– Да ладно, я могу заменить его еще раз в любое время, – сказал Ли. – Это не так уж трудно.

– Нет, замок в полном порядке. – Кларенс с некоторым трудом поднялся на ноги. – Пойду взгляну.

Ли поспешил к нему, бросив на нас извиняющийся взгляд.

– А это обязательно делать прямо сейчас?

Когда стало ясно, что обязательно, Ли сказал:

– Я пойду с тобой.

У меня сложилось впечатление, что Кларенс – человек капризный, и Ли к этому привык.

Я воспользовалась тем, что хозяева вышли, чтобы прояснить кое-какие вопросы.

– У вас не было никаких проблем по дороге? – спросила я у Джил. – Больше никаких… э-э… несчастных случаев?

– Перед тем как покинуть двор, мы нарвались на пару мятежников, – ответила Роза с угрожающими нотками в голосе. – Ничего особенного, мы справились. В остальном ничего опасного не происходило.

– Так будет и впредь, – сухо произнес Эдди, скрестив руки на груди. – По крайней мере, до тех пор, пока в деле участвую я.

Я в замешательстве поглядывала на них.

– Мне сказали, что сопровождающим будет дампир… Они решили послать двоих?

– Роза сама вызвалась, – сказал Эйб. – Просто чтобы убедиться, что остальные ничего не упустили. Эдди должен присоединиться к вам в Амбервуде.

Роза сердито нахмурилась.

– Это мне следовало остаться. И жить с Джил в одной комнате. Не обижайся, Сидни. Ты нужна нам для всякой организационной работы, но именно я взгрею любого, кто попробует обидеть Джил.

Я не собиралась с ней спорить.

– Нет, – твердо сказала Джил.

Когда я видела ее в последний раз, она была тихой и нерешительной, но в глазах ее читалась ярость, когда она думала о том, что является обузой для Розы.

– Тебе нужно остаться с Лиссой и беречь ее. У меня есть Эдди, и, кроме того, никто не знает, что я здесь. Больше ничего не случится.

Судя по взгляду Розы, она не слишком в это верила. А еще я подозревала: Роза не очень-то верит, что кто-нибудь может защитить Василису или Джил не хуже ее самой. А это кое о чем говорило, учитывая, что юную королеву окружали охранники. Но даже Роза не могла быть везде одновременно, и ей пришлось выбирать. Последние слова Джил привлекли мое внимание.

– А что случилось? – спросила я. – Тебя ранили? Мы слышали разговоры о нападении, но не получили подтверждения.

В комнате повисла напряженная тишина. Все, кроме Кита и меня, явно почувствовали себя неловко. Что ж, нам тоже было неловко – но по другим причинам.

– Все в порядке, – наконец сказала Джил, после того как Роза кинула на нее острый взгляд. – Да, нападение было, но никто из нас не пострадал. Я имею в виду, не пострадал серьезно. Во время королевского обеда на нас напали морои. В смысле, моройские убийцы. Похоже, они охотились на Лиссу… на королеву, но вместо нее напали на меня.

Джил поколебалась и быстро опустила глаза; ее длинные вьющиеся каштановые волосы упали на лицо.

– Но стражи спасли меня и окружили их.

В Джил ощущалась та нервозная энергия, которая запомнилась мне раньше. Это было мило, и от этого она казалась застенчивым подростком, каким, собственно, и была.

– Но мы сомневаемся, что на этом все закончится, вот почему нам приходится держаться подальше от двора, – объяснил Эдди.

Хоть он и обращался к Киту и ко мне, создавалось впечатление, что внимание его сконцентрировано лишь на Джил; в стремлении защитить ее он словно бросал вызов любому, кто посмел бы угрожать девушке, за безопасность которой он отвечал.

– И мы не знаем, где именно в наших рядах скрываются предатели. Итак, пока все не выяснится, мы здесь.

– Надо надеяться, ненадолго, – сказал Кит.

Я кинула на него предупреждающий взгляд, и, казалось, Кит понял, что его замечание можно расценить как грубость.

– Я имею в виду, это место не может быть таким уж приятным для вас, тут же солнце и все такое прочее.

– Здесь безопасно, – сказал Эдди. – Только это и имеет значение.

Вернулись Кларенс и Ли, и больше никто не говорил о том, почему здесь появилась Джил, и о нападении. Отцу и сыну было известно лишь то, что Джил, Эдди и Адриан впали в немилость у важного королевского мороя и находятся здесь в изгнании. Оба мороя даже не подозревали, кто такая на самом деле Джил. По их мнению, алхимики помогали ей благодаря влиянию Эйба. То была паутина лжи, но необходимая. Хотя Кларенс и пребывал в добровольной ссылке, мы не могли рисковать тем, что он (а теперь и Ли) нечаянно проболтается посторонним о скрывающейся здесь сестре королевы.

Эдди оглянулся на старшего мороя:

– Значит, вы никогда не слышали о том, что поблизости есть стригои, верно?

Взгляд Кларенса на мгновение стал рассеянным – он рылся в воспоминаниях.

– Не слышал… Но есть твари похуже стригоев…

Ли застонал.

– Папа, пожалуйста. Только не это.

Роза и Эдди мгновенно оказались на ногах. Удивительно, что они не вытащили оружие.

– О чем вы говорите? – вопросила Роза.

– Какие еще опасности тут есть? – стальным голосом спросил Эдди.

Ли заметно покраснел.

– Никаких… Пожалуйста. Это просто его заблуждение, вот и все.

– Заблуждение? – спросил Кларенс, глядя на сына прищуренными глазами. – А смерть твоей двоюродной сестры – заблуждение? Тот факт, что важные шишки при дворе оставили Тамару неотомщенной, – заблуждение?

Я вспомнила о беседе, которую вела с Китом в машине, и кинула на Кларенса ободряющий, как мне казалось, взгляд.

– Тамара была вашей племянницей? Что с ней случилось, сэр?

– Ее убили, – сказал Кларенс.

Последовала драматическая пауза.

– Охотники на вампиров.

– Простите, кто? – спросила я, уверенная, что ослышалась.

– Охотники на вампиров, – повторил Кларенс.

Судя по лицам собравшихся, все разделяли мое удивление, – что ж, мне стало немного легче. Даже суровость Розы и Эдди слегка поколебалась.

– О, этого вы нигде не найдете – даже в ваших записях. Мы жили в Лос-Анджелесе, когда ее настигли. Я доложил стражам, требуя выследить преступников. Знаете, что они ответили?

Кларенс пристально всмотрелся в каждого из нас по очереди.

– Знаете?

– Нет, – кротко отозвалась Джил. – Что они ответили?

Ли с несчастным видом вздохнул.

Кларенс хмыкнул.

– Они сказали, что ничего подобного не произошло. И нет никаких улик, подкрепляющих мое требование. Они списали убийство на стригоев и сказали – тут ничего нельзя поделать и я должен быть благодарен, что ее не обратили.

Я посмотрела на Кита, который после этих разговоров снова выглядел испуганным. Очевидно, он не знал Кларенса так хорошо, как утверждал. Киту было известно лишь, что старик переживает из-за гибели племянницы. Теперь он слегка пожал плечами, словно говоря мне: «Видишь? Я же говорил. Чокнутый».

– Стражи во всем разбираются дотошно, – сказал Эдди.

Он явно тщательно контролировал свой тон и подбирал слова, стараясь не оскорбить Кларенса. Снова усевшись рядом с Джил, Эдди проговорил:

– Я уверен, у них были причины.

– Причины? – спросил Кларенс. – Если вы считаете отрицание очевидного и погружение в иллюзии причинами, тогда да, они у них были. Стражи просто не хотят признать существования охотников на вампиров. Но скажите мне вот что. Если моя Тамара была убита стригоями, почему ей перерезали горло? Оно было аккуратно рассечено клинком.

Кларенс сделал рубящее движение под подбородком.

Джил вздрогнула и съежилась в кресле. Роза, Эдди и Эйб тоже выглядели так, будто их застали врасплох, что меня удивило, ведь я думала – ничто не может их смутить.

– Почему они не пустили в ход клыки? Так легче пить. Я указал на это стражам, а те сказали, что, поскольку примерно половина ее крови выпита, это явно стригои. Но я продолжаю утверждать – это сделали охотники на вампиров, и, похоже, они забрали ее кровь. Стригоям незачем было бы пускать в ход нож.

Роза собралась было что-то сказать, внезапно передумала, но потом снова решилась.

– Это странно, – только и произнесла она.

У меня было ощущение, что она собиралась выпалить, насколько смехотворна теория заговора, но вовремя остановилась.

– Но я уверена, что существует другое объяснение, мистер Донахью.

Я гадала, поможет ли упоминание о том, что у алхимиков нет записей об охотниках на вампиров – по меньшей мере в течение нескольких столетий.

Кит внезапно придал беседе новое направление. Он спокойно встретился взглядом с Кларенсом.

– Такое поведение может показаться странным для стригоев, но они совершают всевозможные жестокие поступки без причины. Я знаю это по личному опыту.

У меня упало сердце. О нет!

Взгляды всех присутствующих обратились к Киту.

– Да? – спросил Эйб, поглаживая черную козлиную бородку. – И что же произошло?

Кит показал на свой стеклянный глаз:

– В этом году на меня напали стригои. Избили и вырвали глаз. Потом просто бросили меня.

Эдди нахмурился.

– Не выпив крови и не убив? Это очень странно. Не похоже на обычное поведение стригоев.

– Я не уверен, что от стригоев можно ожидать чего-нибудь «обычного», – заметил Эйб.

Я стиснула зубы, про себя умоляя его не завязывать с Китом беседу на эту тему.

«Пожалуйста, не спрашивай про глаз, – подумала я. – Забудь».

Конечно, я слишком многого хотела, потому что следующим вопросом Эйба было:

– Они забрали только один глаз? Почему не попытались забрать оба?

– Извините. – Я вскочила, прежде чем Кит успел ответить. Я не могла сидеть и слушать, как Эйб цепляет на крючок Кита просто ради забавы – чтобы меня помучить.

Мне нужно было убраться отсюда. – Я… Я не очень хорошо себя чувствую. Пойду подышу воздухом.

– Конечно, конечно, – сказал Кларенс, которому, судя по виду, тоже хотелось встать. – Велеть принести вам воды? Я могу позвонить…

– Нет-нет, – ответила я, продвигаясь к двери. – Я просто… Мне просто нужно на минутку.

Я поспешила вон из комнаты и услышала, как Эйб вслед мне говорит:

– Какая чувствительная. Принимая во внимание ее профессию, следовало бы ожидать, что она не будет столь брезгливой. Но вы, молодой человек, похоже, в состоянии выдержать разговор о крови…

Лесть Эйба подействовала, и Кит принялся рассказывать историю, которую мне совершенно не хотелось слышать.

Снова пройдя по темному коридору, я вышла на улицу. Свежий воздух был для меня спасением, хотя на шесть с лишним градусов теплее того, из которого я вынырнула. Я сделала глубокий вдох, уговаривая себя не волноваться. Все будет хорошо. Эйб скоро уйдет. Кит вернется в свою квартиру. Я поеду в Амбервуд с Джил и Эдди, а они вовсе не кажутся плохой компанией, учитывая, с кем я могла бы оказаться вместо них.

Без всякой цели я решила прогуляться вокруг дома и оценить его – вообще-то он скорее смахивал на лесную дачу. Я наугад выбрала сторону и пошла вокруг, восхищаясь искусной резьбой снаружи. Хотя здание совершенно не соответствовало ландшафту Южной Калифорнии, все равно оно было выразительным. Я всегда любила изучать архитектуру – предмет, который отец считал бесполезным, – и увиденное меня впечатлило. Оглядевшись по сторонам, я заметила, как не похожа тут почва на ту, по которой мы сюда ехали. Много земель в этой местности побурели после засушливого лета, но Кларенс явно потратил целое состояние на то, чтобы его обширный сад был зеленым и цветущим. Нездешние деревья – красивые, в полном цвету – окаймляли пешеходные дорожки и лужайки.

После короткой прогулки я повернула обратно и двинулась к фасаду, но, услышав чей-то голос, остановилась.

– Где ты?

Эйб. Отлично. Он ищет меня.

– Тут, – раздался еле слышный голос Адриана.

Голос донесся со стороны дальней части дома, противоположной той, у которой стояла я. Кто-то пошел по усыпанному гравием проезду, шаги смолкли у того места, где, по моим прикидкам, находилась задняя дверь и ждал Эйб. Я прикусила губу и осталась стоять где была; меня скрывал дом. Я почти боялась дышать. Морои с их-то слухом могли улавливать самые тихие звуки.

– Ты вообще собираешься войти? – поинтересовался Эйб.

– Не вижу смысла, – прозвучал иронический ответ Адриана.

– Смысл в учтивости. Ты мог бы сделать над собой усилие, чтобы познакомиться с алхимиками.

– Они не хотят со мной знакомиться. Особенно парень.

В голосе Адриана слышался смех.

– Видел бы ты его лицо, когда я наткнулся на него в дверях. Хотел бы я, чтобы на мне был плащ! Девушка, по крайней мере, посмелее.

– Тем не менее от них зависит, останешься ли ты здесь и останется ли Джил. Ты знаешь, как важно, чтобы она была в безопасности.

– Да, я понял. Я понял, почему она здесь. Чего я не понимаю, так это почему здесь я.

– Не понимаешь? – переспросил Эйб. – Мне кажется, это очевидно и для Джил, и для тебя. Ты должен оставаться с ней рядом.

Последовала пауза.

– Все так говорят… Но я все равно не вижу в том необходимости. Вряд ли я нужен ей рядом, что бы там ни заявляли Роза и Лисса.

– У тебя есть занятие получше?

– Дело не в том.

В голосе Адриана звучало раздражение, и я обрадовалась, что не единственная, на кого так действует Эйб.

– Дело именно в том, – возразил Эйб. – Ты чах при дворе, погруженный в жалость к себе – и только. А здесь у тебя есть шанс быть полезным.

– Полезным тебе.

– Себе тоже. Для тебя это благоприятная возможность чего-то в жизни добиться.

– Вот только ты не сказал, что именно мне делать! – раздраженно проговорил Адриан. – Помимо Джил, какую грандиозную задачу ты для меня припас?

– Слушай. Слушай и наблюдай.

Я отчетливо представила, как Эйб во время разговора поглаживает подбородок – со своим обычным начальственным видом.

– Наблюдай за всеми – за Кларенсом, Ли, алхимиками, Джил и Эдди. Обращай внимание на каждое слово, на каждую деталь, а после докладывай мне. Все это может пригодиться.

– Не знаю, проясняет ли это дело.

– У тебя есть потенциал, Адриан. Слишком большой потенциал, чтобы тратить его впустую. Я очень сожалею о том, что случилось с Розой, но пора уже тебе забыть об этом. Может, пока все и не имеет большого смысла, но после все изменится. Доверься мне.

Я почти пожалела Адриана. Эйб однажды тоже просил меня довериться ему – и видите, чем все обернулось.

Я подождала, пока два мороя вернутся в дом, а минуту спустя последовала за ними.

В гостиной Кит все еще разглагольствовал, но явно почувствовал облегчение, когда я вернулась. Мы обсудили новые детали и разработали расписание «кормлений», за которые отвечала я, поскольку именно мне предстояло возить Джил (и Эдди, ведь он не хотел выпускать ее из виду) к Кларенсу и обратно.

– А как ты собираешься попадать на «кормления»? – спросила я Адриана.

После услышанного разговора с Эйбом меня больше, чем когда-либо, разбирало любопытство насчет роли, которую играл тут Адриан.

Он стоял у стены, на другой стороне комнаты, скрестив на груди руки, словно защищаясь, его напряженная поза контрастировала с ленивой улыбкой. Я не могла утверждать, но было похоже, что он намеренно старается держаться как можно дальше от Розы.

– Прогулявшись по коридору, – ответил он на мой вопрос.

Поймав мой озадаченный взгляд, Кларенс объяснил:

– Адриан останется здесь, со мной. Будет приятно, если еще кто-нибудь станет жить в этих старых стенах.

– А! – ответила я и пробормотала себе под нос: – Ну очень таинственный сад…[5]

– Что-что? – спросил Адриан, поворачиваясь ко мне.

Я вздрогнула. У них хороший слух.

– Ничего. Просто вспомнила о книге, которую читаю.

– А-а, – пренебрежительно бросил Адриан, отводя взгляд.

То, как он это сказал, словно должно было послужить приговором всем и всяческим книгам.

– Не забывай и про меня, – проговорил Ли, улыбнувшись отцу. – Я же сказал, что еще побуду здесь.

– Тогда, возможно, юный Адриан убережет тебя от беды, – объявил Кларенс.

Это никто не прокомментировал, но я увидела, как друзья Адриана обменялись веселыми взглядами.

Кит уже не выглядел таким перепуганным, как сразу после прибытия, но в нем ощущались нетерпение и раздражительность, которых я не совсем понимала.

---

[5] «Таинственный сад» – роман англо-американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт. Роман о старом поместье, где девочка Мэри находит заброшенный сад и начинает ухаживать за ним.

– Что ж, – сказал он, откашлявшись, – мне нужно домой, у меня кое-какие дела. А поскольку ты мой водитель, Сидни…

Он не закончил фразу и многозначительно посмотрел на меня. Судя по тому, что я успела узнать, Палм-Спрингс и впрямь был наименее населенным вампирами местом. Просто невозможно представить, какими это «делами» предстояло заняться Киту… Но рано или поздно мы должны были отсюда уйти.

Эдди и Джил отправились за своим багажом, а Роза воспользовалась возможностью и оттащила меня в сторонку.

– Как ты? – негромко спросила она.

Ее улыбка была искренней.

– Я беспокоилась о тебе, с тех пор как… Ну, ты знаешь. Никто не рассказал мне, что с тобой сталось.

Когда я виделась с Розой в последний раз, стражи держали меня узницей в отеле, пока морои выясняли, сколь значительна моя роль в ее побеге.

– Сперва у меня были небольшие неприятности, – сказала я, – но все в прошлом.

Подумаешь – маленькая ложь между друзьями! Роза была настолько сильной, что мне претила мысль о том, чтобы выглядеть перед ней слабачкой. Я все еще жила в страхе перед алхимиками, вынужденная делать все, что угодно, лишь бы вернуть их расположение, но мне вовсе не хотелось рассказывать ей об этом.

– Я рада, – сказала она. – Мне говорили, сперва сюда должна была приехать твоя сестра.

Эти слова снова напомнили мне, что меня в любой момент могут заменить Зоей.

– Простое недоразумение.

Роза кивнула.

– Мне легче, когда здесь ты, но все-таки тяжело… Я все еще чувствую, что должна защищать Джил. Но мне нужно защищать и Лиссу. Они посчитали Джил более легкой мишенью, но все равно нацелились на Лиссу.

В ее темных глазах читалось смятение, и я почувствовала укол жалости. Вот это мне и трудно было объяснить другим алхимикам – отчего дампиры и вампиры могут временами казаться похожими на людей.

– Знаешь, это просто безумие. С тех пор как Лисса взошла на трон, я думала, что мы с Дмитрием наконец-то сможем расслабиться.

Роза улыбнулась шире.

– Мне следовало бы знать, что у нас никогда ничего не бывает легко. Мы с ним провели все время, присматривая за Лиссой и Джил.

– С Джил все будет в порядке, – сказала я. – Пока мятежники не знают, где она, трудностей не должно возникнуть. Будет даже скучно.

Роза все еще улыбалась, но ее улыбка слегка поблекла.

– Надеюсь. Если бы ты только знала, что произошло…

Выражение ее лица поменялось, когда ее захлестнули воспоминания. Я начала было настаивать, чтобы она рассказала о случившемся, но Роза сменила тему, прежде чем я смогла ее разговорить.

– Мы работаем над изменением закона – того, который гласит, что Лисса может остаться королевой, только если жив еще один член ее семьи. Как только изменения будут приняты, и она, и Джил окажутся вне опасности. Но в результате желающие вывести Джил из игры удвоили усилия, ведь они знают – время уходит.

– Сколько? – спросила я. – Сколько времени понадобится, чтобы изменить закон?

– Не знаю. Может, несколько месяцев. Юридические дела… Ну, я в этом не слишком разбираюсь. По крайней мере, в деталях.

Роза поморщилась, потом ее лицо снова посуровело. Она убрала волосы за спину.

– Зато справиться с чокнутыми, которые угрожают моим друзьям, – это как раз для меня.

– Помню, – сказала я.

Удивительно. Я считала Розу одной из самых сильных среди известных мне людей, но, какой бы крутой ни казалась, она нуждалась в моих ободряющих словах.

– Послушай, делай то, что должна, и я буду делать то, что должна. Я позабочусь о том, чтобы Джил затерялась среди других. Вы привезли ее сюда незаметно. Теперь за ней не проследят.

– Надеюсь, – с мрачным лицом повторила Роза. – Потому что, если это не так, ваша маленькая группа не выстоит против тех чокнутых мятежников.

Глава пятая

На этой тревожной ноте Роза оставила меня, чтобы попрощаться с остальными.

От ее слов меня бросило в дрожь. На полсекунды мне захотелось потребовать, чтобы миссию пересмотрели и сюда вместе с Джил послали не меньше дюжины стражей, на случай, если на нее снова нападут. Но вскоре я отбросила эту мысль. Главным для выполнения плана было просто не привлекать к себе внимания. Поэтому, пока местопребывание Джил остается тайной, для нее безопаснее смешаться с людьми. Отряд стражей вряд ли удастся утаить. Он сможет привлечь внимание большого сообщества мороев. Мы поступали правильно. Пока никто не знает, что мы тут, все в порядке.

Конечно, если я буду повторять эти слова достаточно часто, так оно все и будет.

Однако к чему это зловещее заявление Розы? К чему присутствие Эдди? В самом ли деле наша миссия стремительно превратилась из просто трудной в опасную для жизни?

Зная, насколько близки Джил и Роза, я ожидала, что их прощание будет более тяжелым. Но, как оказалось, труднее всего для Джил было проститься с Адрианом. Она бросилась к нему и крепко обняла, вцепившись в его рубашку. Юная моройка во время нашего визита вела себя очень спокойно и лишь молча наблюдала за нами со своим обычным нервным любопытством. Говорила она в основном только с Ли. Казалось, ее смелость при прощании удивила и самого Адриана. Но его раздраженный взгляд смягчился, в нем появилось нечто вроде теплоты, когда он неловко похлопал Джил по плечу.

– Ну же, ну же, малолетка. Скоро увидимся:

– Хотела бы я, чтобы ты отправился с нами, – сказала Джил негромко.

Адриан криво усмехнулся.

– Нет, это ни к чему. Может, остальным и сойдет с рук эта игра «снова-в-школу», но меня бы вышвырнули в первый же день. По крайней мере, здесь я никого не испорчу… Разве что Кларенса и его бар.

– Я буду на связи с тобой, – пообещала Джил.

Улыбка Адриана дрогнула, и он посмотрел на нее понимающим взглядом, веселым и в то же время печальным.

– И я тоже.

Эта маленькая сцена меня удивила. При дерзкой, самонадеянной натуре Адриана и милой застенчивости Джил, дружба между ними казалась маловероятной. Однако они были явно привязаны друг к другу. Отношения эти не казались романтическими, но в них чувствовалась какая-то напряженность, которую я не совсем понимала. Я вспомнила подслушанную беседу Эйба и Адриана – как Эйб сказал, что Адриану необходимо остаться рядом с Джил. Я догадывалась, что этот разговор имеет отношение к увиденному сейчас, но у меня было слишком мало информации, чтобы сложить все части воедино. Я отложила загадку на потом.

Мне было грустно покидать Розу, но радовало то, что наконец не надо будет общаться с Эйбом и Китом. Эйб ушел со своими обычными загадочными репликами, кинув на меня проницательный взгляд, который я не оценила. Я подбросила Кита до дома, прежде чем

отправиться в Амбервуд, и Кит сказал, что будет держать меня в курсе дел. Честно говоря, я гадала, в курсе каких дел он должен меня держать, поскольку именно я выполняла здесь большую часть работы. Насколько я могла судить, Киту и в самом деле нечем было заняться, кроме как бездельничать в своих апартаментах в центре города. Вообще я никогда не думала, что буду так счастлива уехать с вампиром и дампиром, лишь бы избавиться от Кита Дарнелла.

Пока мы ехали в школу, Джил по-прежнему казалась встревоженной. Эдди, почувствовав это, попытался ее успокоить. Он оглянулся на нее с пассажирского сиденья:

– Мы скоро увидимся с Адрианом.

– Знаю, – со вздохом сказала она.

– И больше ничего плохого не случится. Ты в безопасности. Они не могут здесь тебя найти.

– Это я тоже знаю.

– Насколько было ужасно? – спросила я. – Я имею в виду нападение. Никто не вдается в детали.

Краешком глаза я заметила, как Эдди оглянулся на Джил.

– Довольно скверно, – мрачно сказал он. – Но теперь все в порядке, вот что важно.

Больше никто из нас не заговаривал, и я быстро уловила намек – о подробностях лучше не расспрашивать. Все вели себя так, будто нападение было не таким уж большим событием, что все в прошлом, но разговоры вели слишком уклончивые. Случилось нечто такое, о чем я не знала; скорее всего, не знал никто из алхимиков. То, что хранили от нас в секрете. Я догадывалась – это связано с появлением здесь Адриана. Он упомянул об «очевидной причине», которая привела его в Палм-Спрингс, а потом Эйб намекнул на какой-то скрытый мотив, неизвестный самому Адриану.

Все это бесило меня, учитывая, что ведь я-то здесь рисковала жизнью. Как они могут ожидать от меня адекватной работы, если упорно утаивают часть информации?

Алхимики хорошо справляются со всякими тайнами, а я, несмотря на свое нелегкое прошлое, все еще оставалась алхимиком в достаточной степени, чтобы негодовать, не получая ответы на свои вопросы. К счастью, я также оставалась в достаточной степени алхимиком и была способна выискивать ответы самостоятельно.

Конечно, я знала: если немедленно пристать с расспросами к Джил и Эдди, это ни к чему не приведет. Нужно вести себя дружелюбно и заставить их почувствовать себя рядом со мной свободно. Они, может, и не разделяли тайной веры, будто люди – создания тьмы, но это не означало, что мне уже доверяют. Я их в этом не винила. В конце концов, я тоже им не доверяла.

До Амбервуда мы добрались к вечеру. Мы с Китом уже успели побывать в школе, а Эдди и Джил рассматривали все окружающее широко раскрытыми глазами.

В отличие от казавшегося старомодным дома Кларенса школа была светлой и современной. Она состояла из комплекса оштукатуренных зданий, типичных для Калифорнии и вообще для южной архитектуры. Вдоль сочных зеленых газонов росли пальмы. В угасающем свете дня учащиеся прогуливались, парами и группами, по многочисленным парковым дорожкам.

По дороге мы запаслись фастфудом, но из-за позднего часа нам с Джил пора было расстаться с Эдди. В восемнадцать лет, имея машину и «разрешение родителей», я могла свободно передвигаться где захочу, но с наступлением ночи не должна была болтаться по улицам.

Эдди беспокоился, оставляя Джил, особенно когда понял, как далеко от нее он будет. Территория школы Амбервуд разделялась на три кампуса: Восточный, Западный и Центральный. В Восточном кампусе находилось общежитие для девушек, в Западном – обще-

житие для парней. В Центральном, самом большом, располагались административные и научные корпуса и места отдыха. Кампусы отстояли один от другого на пару километров и обслуживались местным автобусом, который ходил на протяжении всего дня. Хотя учащийся, способный выдержать жару, всегда мог прогуляться пешком.

Эдди следовало бы знать, что он не сможет остаться в женском общежитии, хотя я подозревала – найди он способ, так спал бы в изножье кровати Джил, как преданный пес. Было забавно наблюдать за ними. Раньше мне не доводилось наблюдать за парами, состоящими из стража и моройки. Роза и Дмитрий просто пытались выжить – к тому же оба были дампирами. Теперь же я в конце концов смогла разглядеть в поступках систему и поняла, почему дампиров так усердно тренируют. Надо быть хорошо подготовленным, чтобы сохранять постоянную бдительность. Даже в самые обыденные моменты Эдди всегда напряженно следил за окружающим. Ничто от него не ускользало.

– Насколько надежна здесь охрана? – требовательно спросил он, когда мы вошли в женское общежитие.

Он настоял на том, чтобы увидеть наше общежитие, прежде чем отправиться в свое. В вестибюле в такой час было тихо, только две ученицы, очевидно только что приехавшие, переносили коробки и чемоданы. Проходя мимо, они бросили на нас любопытные взгляды, и мне пришлось подавить всколыхнувшуюся во мне тревогу. Учитывая все происходившее в моей жизни, общение с людьми в школе не должно было меня пугать – но все равно пугало. Алхимиков к такому не готовят.

– Охрана тут неплохая, – сказала я негромко, повернувшись к Эдди спиной. – Они не опасаются наемных убийц-вампиров, но, конечно, хотят, чтобы их ученицы были в безопасности. Я знаю, что ночью территорию патрулируют вооруженные охранники.

Эдди посмотрел на смотрительницу общежития, тучную седовласую женщину, наблюдавшую за происходящим в вестибюле из-за своего стола.

– Думаете, она прошла боевое обучение и сможет скрутить незваного гостя?

– Держу пари, она смогла бы одолеть парня, прокрадывающегося в комнату девушек, – пошутила Джил и положила ладонь на руку Эдди, заставив того вздрогнуть. – Расслабься. Тут безопасно.

Беспокойство Эдди в известной степени утешало меня, придавая мне уверенности. В то же время я невольно снова задумалась о том, почему он столь насторожен. Эдди присутствовал при нападении, деталей которого мне никто не рассказывал. Он знал, что именно может нам грозить, поскольку видел первоисточник угрозы. Если он нервничает даже сейчас, какая же опасность нас до сих пор поджидает? Алхимики убедили меня в том, что, как только мы спрячемся тут, в Амбервуде, все будет хорошо и сведется к обычной тактике выжидания. Во время разговора с Розой я пыталась убедить ее в том же самом. Поведение Эдди свидетельствовало об обратном.

Комната в общежитии, которую я делила с Джил, была, по моим меркам, маленькой. Когда я росла, у меня всегда имелась своя комната, и мне никогда не приходилось делить с кем-то место или шкаф. А в Санкт-Петербурге у меня была даже своя квартира. И все-таки здешняя комната выглядела неплохо: из окна открывался хороший вид на зеленый задний двор, обстановка казалась легкой и яркой, мебель с отделкой из клена явно была новой: кровати, столы, туалетные столики. Я никогда не жила в общежитии, но по реакции Джил могла понять, что мы получили хорошее жилье. Как уверяла Джил, эта комната была больше, чем та, в которой она жила в Академии Святого Владимира. Моройка была совершенно счастлива.

Мне мимолетно подумалось, не кажется ли ей эта комната большой просто потому, что у нас так мало вещей. Из-за стремительного отъезда и Джил, и я смогли взять с собой лишь очень немногое. Мебель золотистых тонов создавала ощущение тепла, но без привычных

вещичек и всяких мелочей комната казалась обезличенной, словно фотографией из каталога. Смотрительница общежития, миссис Везерс, удивилась, увидев, как мало у нас багажа. Те девочки, за которыми я раньше наблюдала, приехали на машинах, лопающихся от количества вещей. Я надеялась, что мы не вызовем подозрения.

Перед тем как лечь, Джил помедлила, глядя в окно.

– Здесь так сухо, – пробормотала она скорее себе, чем мне. – Газон у них зеленый, но так странно не чувствовать в воздухе влаги.

Она застенчиво оглянулась на меня.

– Я – пользователь воды.

– Знаю, – ответила я, затрудняясь что-либо добавить.

Джил имела в виду магические способности, которыми обладали все морои. Каждый морой специализировался в одном из видов магии, мог подчинять себе одну из четырех стихий – землю, воду, воздух или огонь – или же неосязаемую, связанную с психическими силами стихию духа. Управлять последней стихией могли очень немногие, одним из них, как я слышала, был Адриан. Я не буду разочарована, если Джил не сможет получить легкий доступ к своей магии. Магия, подобно питью крови, – слишком резкое напоминание о том, что люди, вместе с которыми я смеюсь и ем, – на самом деле не люди.

Не будь я настолько вымотанной после поездки на машине с Китом, наверное, лежала бы и мучилась из-за того, что сплю в одной комнате с вампиром. Когда я впервые повстречалась с Розой, я не могла даже короткое время оставаться в одной комнате с ней. Наше лихорадочное совместное бегство немного это изменило, и под конец я смогла не так остро реагировать на нее. Теперь же в темноте старые страхи вернулись.

«Вампир, вампир!»

Я твердо сказала себе, что это просто Джил. Не о чем беспокоиться. В конце концов утомление пересилило страх, и я уснула.

Проснувшись утром, я невольно поглядела в зеркало, чтобы убедиться – у меня нет меток от укусов или других следов нападения вампира. Конечно, ничего подобного я не обнаружила и тут же почувствовала себя до невозможности глупо. Джил просыпалась с таким трудом, что было просто нелепо воображать, будто она может подкрасться ко мне ночью.

Вовремя вытащить ее из комнаты, чтобы поприсутствовать на ознакомительной встрече, оказалось нелегко. Сонная, с красными глазами, Джил все время жаловалась на головную боль. Я точно могла не беспокоиться насчет того, что моя подруга по комнате нападет на меня ночью.

Тем не менее она сумела оправиться, и, покинув общежитие, мы нашли Эдди – вместе с другими учащимися он ждал возле фонтана в Центральном кампусе. Большая часть собравшихся выглядела новичками вроде Джил. Только немногие были того же возраста, что мы с Эдди, и я удивилась, увидев, как запросто он болтает с окружающими. Накануне Эдди был очень настороженным, и я ожидала от него большей замкнутости – но он отлично вписался в обстановку. Однако, когда мы с Джил подошли, я заметила, что Эдди украдкой оглядывается. Может, он и изображал учащегося, как и я, но все равно оставался дампиром.

Эдди как раз рассказывал нам, что еще не познакомился со своим товарищем по комнате, когда к нам подошел улыбающийся парень с ярко-голубыми глазами и рыжеватыми волосами.

– Привет, – сказал он. Увидев его вблизи, я разглядела россыпь веснушек. – Ты Эдди Мелроуз?

– Да, я…

Эдди резко повернулся с быстротой стража, готовый встретить возможную угрозу, и, увидев подошедшего, замер. Глаза его слегка расширились, и слова, которые он собирался произнести, так и не сорвались с его губ.

– Я Мика Валленс. Я буду жить с тобой в одной комнате, а еще я буду проводить у вас ознакомительную встречу.

Парень кивнул на толпу остальных учеников и ухмыльнулся.

– Но сперва мне хотелось поздороваться, потому что я приехал только этим утром. Мама ну никак не хотела меня отпускать после каникул.

Эдди все еще таращился на Мику так, будто увидел привидение. Я тоже разглядывала парня, гадая, что же я упустила. Он казался мне вполне обычным. Джил тоже была в неведении и смотрела на нового знакомого без тревоги или удивления.

– Рад познакомиться, – наконец выговорил Эдди. – Это мои… э-э… сестры – Джил и Сидни.

Мика по очереди улыбнулся каждой из нас. Он был так дружелюбен, что рядом с ним я чувствовала себя легко. Понятно, почему его выбрали для проведения ознакомительной встречи. Интересно, из-за чего Эдди так странно на него среагировал?

– Вы в каком классе? – поинтересовался Мика.

– В выпускном, – ответила я и, припомнив выдуманную историю, добавила: – Мы с Эдди близнецы.

– А я в первом, – сказала Джил.

Осмотрев свою «семью», я заметила, что мы с Эдди, наверное, легко можем сойти за брата и сестру. У нас был схожий цвет лица, и не забывайте, что мы оба выглядели людьми. А вот Джил, хотя и не выглядела стопроцентным вампиром, все же выделялась своим телосложением и бледностью.

Если Мика и заметил отсутствие фамильного сходства, он ничем это не показал.

– Нервничаешь из-за поступления в школу? – спросил он Джил.

Она покачала головой и ответила улыбкой на улыбку.

– Я готова к любым сложностям.

– Ладно, если вам что-нибудь понадобится, дайте мне знать, – сказал Мика. – А сейчас я должен начать встречу. Поговорим позже.

Поскольку Мика сосредоточил внимание исключительно на Джил, было ясно – «если вам что-нибудь понадобится» адресовано именно ей. Ее румянец подтверждал, что она тоже это понимает. Джил улыбнулась, кинула на Мику быстрый взгляд и застенчиво потупилась. Я бы сочла это милым, если бы меня не тревожили перспективы такого общения. Джил находилась в школе, полной людей. И речи не шло о романтических отношениях с одним из них, и парней вроде Мики нельзя было поощрять. Эдди, похоже, не собирался об этом беспокоиться, но мне показалось, что в его поведении есть некая подоплека, ведь сам Мика его явно тревожил.

Мика призвал группу к вниманию и начал ознакомительное занятие.

Первая его часть была просто туром по территории школы. Мы следовали за Микой, то ныряя в кондиционированный воздух, то выныривая из него, пока наш гид показывал нам основные здания. Он объяснил, как ходит местный автобус, и мы проехали до Западного кампуса, который оказался почти зеркальным отражением Восточного.

Парням и девочкам разрешалось ходить друг к другу в гости, за некоторыми ограничениями, – когда Мика объяснил эти правила, послышался легкий гул недовольства. Вспомнив грозную миссис Везерс, я почувствовала жалость к любому парню, который попытается нарушить правила ее общежития.

В обоих общежитиях имелись собственные кафетерии, где мог питаться любой учащийся, и наша группа новичков пообедала, не покидая Западного кампуса. Мика присоединился ко мне и моим «брату с сестрой», чтобы поболтать.

Эдди отвечал вежливо, кивал и задавал вопросы, но глаза его все еще были слегка настороженными. Джил сперва стеснялась, но, когда Мика начал с ней шутить, в конце концов оттаяла.

«Как забавно, – подумала я, – что Эдди и Джил легче приспособиться к ситуации, чем мне».

Они находились в непривычной обстановке, среди представителей другой расы, но все равно их окружали знакомые вещи вроде кафетериев и запирающихся шкафчиков. Они без труда вошли в свои роли. Между тем я, несмотря на былые путешествия и проживание во всевозможных уголках мира, чувствовала себя не в своей тарелке.

Тем не менее прошло немного времени, и я вошла в ритм школьной жизни. Алхимиков обучают наблюдать и приспосабливаться, и, хотя все здесь было мне чужим, я быстро усвоила существующие порядки. И не боялась разговаривать с людьми, поскольку привыкла начинать беседы с незнакомцами и объяснять, как выхожу из разных ситуаций. Тем не менее мне еще кое над чем предстояло поработать.

– Я слышала, ее семья может переехать в Анкоридж.

Мы обедали в перерыве между вводными занятиями, и две мои одноклассницы, сидевшие рядом со мной, обсуждали свою подругу, которая сегодня не пришла.

Вторая девочка округлила глаза.

– Серьезно? Я бы умерла, если бы мне пришлось отсюда переехать.

– Не знаю, – задумчиво проговорила я, возя вилкой по тарелке. – Здесь столько солнца и ультрафиолета, что в Анкоридже, возможно, продолжительность жизни больше. И там не нужен солнцезащитный крем, поэтому такой выбор места жительства еще и более экономичен.

Я-то думала, что сделала ценное замечание, но, подняв глаза, увидела, как на меня таращатся с открытыми ртами. Судя по виду соседок, я вряд ли смогла бы подать более странную реплику.

– Думаю, мне не стоит говорить все, что в голову взбредет, – шепнула я Эдди.

Я привыкла, общаясь с людьми, вести себя открыто, но теперь мне пришло на ум, что более подходящим было бы просто согласиться и кивнуть.

У меня было мало друзей-ровесников и маловато практики в общении с ними.

Эдди ухмыльнулся.

– Не знаю, сестренка. Ты довольно забавная. Продолжай в том же духе.

После обеда наша группа вернулась в Центральный кампус, где мы разделились, чтобы встретиться с научными руководителями и распланировать свои занятия.

Когда я села со своим руководителем, жизнерадостной молодой женщиной по имени Молли, меня не удивило, что алхимики прислали мои бумаги из воображаемой школы в Южной Дакоте. В этих бумагах даже точно описывалось то, что я изучала на своих домашних уроках.

– Благодаря вашим оценкам и результатам тестов вы попадаете в наши самые продвинутые классы математики и английского, – сказала Молли. – Если будете хорошо успевать, сможете получить кредит для поступления в колледж.

«Вот только в колледж я, к сожалению, не попаду», – с грустью подумала я.

Молли пролистнула несколько страниц моего дела.

– Постойте-ка, я не вижу никаких записей насчет иностранного языка. Таковы требования Амбервуда – все должны знать как минимум один иностранный язык.

Ой! Алхимики напортачили, подделывая мои документы. На самом деле я изучила несколько языков. Отец позаботился о том, чтобы я занималась этим с ранних лет, поскольку алхимик никогда не знает, где окажется.

Просматривая список иностранных языков, которые предлагал Амбервуд, я колебалась, гадая, следует ли мне солгать. Потом решила, что не очень-то хочется корпеть над спряжениями и именами, которые я уже выучила.

– Я уже знаю все эти языки, – сказала я Молли.

Молли скептически посмотрела на меня.

– Все? Тут пять иностранных языков.

Я кивнула и вежливо добавила:

– Но японский я изучала всего два года. Поэтому, наверное, могу еще его подучить.

Молли, похоже, все еще не верила.

– Может быть, пройдете тесты?

Таким образом, весь остаток дня я трудилась над тестами по иностранным языкам. Не так мне хотелось его провести, но я решила, что после труды окупятся – задания были пустяковыми.

Когда три часа спустя я наконец-то разделалась со всеми пятью языками, Молли поторопила меня – пора было идти на примерку формы. Большинство новичков уже давно с этим покончили, и Молли беспокоилась, как бы кастелянша не ушла. Я быстро зашагала по коридорам, почти переходя на бег, и чуть было не врезалась в двух девушек, вышедших из-за угла.

– Ой! – воскликнула я, смущенная. – Простите… Я опаздываю на примерку…

Одна из девочек добродушно засмеялась. Она была темнокожей, атлетически сложенной, с волнистыми черными волосами.

– Не беспокойся, – сказала она. – Мы только что прошли мимо ее комнаты. Она еще там.

Вторая девочка была блондинкой, с волосами на оттенок светлее моих, высоко завязанными в «конский хвост». Обе девушки вели себя с непринужденной уверенностью тех, кто знает здесь все досконально. Они не были новенькими.

– Миссис Деланей всегда занимается примеркой дольше, чем собирается, – со знающим видом сказала блондинка. – Каждый год она…

Внезапно она оборвала себя и вытаращилась на меня.

– Откуда… откуда у тебя это?

Я понятия не имела, о чем речь, но вторая ученица вскоре тоже что-то заметила и подалась ближе ко мне.

– Изумительно! Нынче делают такие?

– Твоя татушка, – объяснила блондинка. Наверное, у меня все еще был растерянный вид. – Откуда она у тебя?

– А, это.

Я рассеянно прикоснулась к своей щеке.

– Из… э-э… Из Южной Дакоты. Я оттуда приехала.

Обе подруги выглядели разочарованными.

– Думаю, вот почему я никогда ничего подобного не видела, – сказала черноволосая. – Я уж решила, в «Неверморе» теперь делают что-то новенькое.

– В «Неверморе»? – переспросила я.

Девушки обменялись взглядами, словно перебросившись безмолвными репликами.

– Ты новенькая, верно? Как тебя зовут? – спросила светловолосая. – Я Джулия. Это – Кристин.

– Сидни, – все еще озадаченная, сказала я.

Джулия снова улыбалась.

– Пообедаешь с нами завтра в Восточном, хорошо? Мы все объясним.

– Объясните насчет чего? – спросила я.

– Длинная история, – ответила Кристин и, уже двинувшись прочь, добавила: – Просто иди сейчас к Деланей. Она задерживается, но не останется тут навсегда.

Когда они ушли, я продолжила путь – куда медленнее прежнего, – гадая, что такое сейчас произошло. Я только что обзавелась подругами? Я была не совсем уверена, как заводят друзей в подобной школе, но весь разговор показался мне порядком странным.

Миссис Деланей как раз собиралась уходить, когда я появилась в комнате.

– Какой размер вы носите, дорогая? – спросила она, заметив меня в дверях.

– Второй[6].

Она достала несколько предметов одежды: юбки, брюки, блузки и свитера. Я сомневалась, что свитера эти пригодятся, если только в Палм-Спрингсе разразится невообразимая апокалипсическая метель. В Амбервуде не требовали слишком вычурного стиля в одежде учащихся, главное, чтобы их наряды соответствовали общепринятым представлениям о моде. Цвета были темно-серыми, бургундского вина и белыми, и сочетание показалось мне неплохим.

Наблюдая, как я застегиваю белую блузку, миссис Деланей поцокала языком.

– Думаю, вам нужен четвертый размер[7].

Я застыла, не застегнув блузку до конца.

– Я ношу второй.

– О да, вы можете примерить эти вещи, но посмотрите на рукава и на длину юбки. Думаю, вам будет удобнее в четвертом размере. Примерьте это.

Она протянула мне новую стопку одежды и засмеялась.

– Не выглядите такой обиженной! Четвертый размер ничего не значит. Вы все равно тростинка.

Она похлопала себя по животу.

– В мою одежду могло бы уместиться трое таких, как вы!

Несмотря на мои протесты, меня все равно отослали из комнаты с одеждой четвертого размера. Удрученная, я вернулась в общежитие и обнаружила, что Джил лежит на кровати и читает. При моем появлении она села.

– Наконец-то, а я уже гадала, что с тобой сталось.

– Меня задержали, – со вздохом сказала я. – Чувствуешь себя лучше?

– Да. Намного лучше.

Джил наблюдала, как я убираю форму.

– Страшноватая одежонка? В Святом Владимире у нас не было формы. Скучно будет каждый день носить одно и то же.

Мне не хотелось рассказывать, что, будучи алхимиком, я все равно ношу похожие наряды.

– Какой у тебя размер? – спросила я, чтобы сменить тему разговора.

Я вроде как напрашивалась сама…

– Второй.

Я ощутила вспышку раздражения, вешая свою форму в шкаф рядом с одеждой Джил. Почему все морои такие тощие? Генетика? Низкоуглеводная кровяная диета? Может, просто это как-то связано с их высоким ростом? Ответ был мне неизвестен, знала я только, что всякий раз, находясь рядом с ними, чувствовала себя непривлекательной, неуклюжей и хотела поменьше есть.

---

[6] Соответствует размеру XS.

[7] Соответствует размеру S.

Когда я закончила распаковывать вещи, мы с Джил сравнили наши расписания. Поскольку мы учились на разных курсах, неудивительно, что занятия почти не совпадали. Единственным нашим общим уроком оказалась физкультура, обязательная для всех школьников, поскольку фитнес считался частью гармоничной подготовки. Может, я сумею сбросить несколько килограммов и вернусь к своему нормальному размеру одежды?

Джил улыбнулась и вернула мне расписание.

– Эдди потребовал, чтобы его записали на наши уроки физкультуры, поскольку ясно, что только это занятие у нас с ним может быть общим. Но оно совпадает с его уроками испанского, и ему не разрешили. Вряд ли он сможет выдержать целый школьный день, не убедившись, что я жива. Да, Мика тоже будет заниматься физкультурой вместе с нами.

Я прошествовала к своей кровати, все еще сердясь из-за формы. Имя Мики привлекло мое внимание.

– Кстати, ты не знаешь, почему Эдди так странно себя повел при виде Мики?

Джил покачала головой.

– Нет, у меня не было возможности спросить, но я тоже заметила – особенно вначале. После… Пока ты сдавала экзамены, а мы ждали, когда нам выдадут форму, Эдди как будто успокоился. Слегка. Но время от времени я видела, что он странно поглядывает на Мику.

– Может, он считает Мику опасным?

Джил пожала плечами.

– Мне Мика не кажется опасным, но я не страж. Если бы Эдди и вправду считал, что Мика представляет собой какую-то угрозу, он бы вел себя по-другому. Более агрессивно. Но похоже, рядом с Микой он просто нервничает. Почти – но не совсем – боится. И это самое странное, ведь стражи никогда не выглядят испуганными. Эдди, конечно, не совсем страж. Но ты знаешь, что я имею в виду.

– Знаю, – сказала я, улыбаясь, хотя собиралась дуться.

Милая говорливость Джил слегка улучшила мне настроение.

– А что ты имеешь в виду, говоря, что Эдди не совсем страж? Разве ему не поручили тебя защищать?

– Поручили, – ответила Джил, покручивая свой светло-каштановый локон. – Но… В общем, это довольно странная история. У него неприятности со стражами из-за того, что он помог Розе и… э-э… Убил парня.

– Он убил мороя, который напал на Василису, верно?

Я выяснила это после некоторых расспросов.

– Да, – сказала Джил, явно погрузившись в воспоминания. – Он защищался… Ну, и защищал Лиссу, но всех потрясло, что он убил мороя. Стражам не положено так поступать, но, с другой стороны, мороям и не положено нападать друг на друга. В общем, его отстранили. Никто не знал, как с ним поступить. Когда на меня… напали, Эдди помог меня защищать. Позже Лисса сказала, что глупо держать его в стороне, если он может быть полезен. Мол, раз за нападением тоже стояли морои, всем придется свыкнуться с мыслью о том, что морой может быть врагом. Ганс, глава стражей при королевском дворе, в конце концов согласился и отослал Эдди сюда со мной. Но, я думаю, официально Эдди еще не восстановили в должности, хотя это странно.

Джил выложила все это без пауз и теперь остановилась, чтобы перевести дух.

– Я уверена, что все образуется, – сказала я, пытаясь ее успокоить. – И надеюсь, ему зачтется спасение принцессы.

Джил внимательно посмотрела на меня:

– Я не принцесса.

Я нахмурилась и попыталась вспомнить все запутанные моройские законы.

– Принц или принцесса – это старейший член семьи. Поскольку Василиса королева, титул принцессы переходит к тебе, верно?

– На бумаге, – сказала Джил, отводя взгляд.

Ее тон было трудно распознать – странная смесь горечи и грусти.

– На самом деле я не принцесса. Я просто случайно оказалась родственницей королевы.

Мать Джил короткое время была любовницей Эрика Драгомира, отца Василисы, и он долгие годы держал в секрете существование внебрачной дочери. Все выяснилось лишь недавно, и я во многом помогла Розе найти Джил. Последствия этого так повлияли на мою жизнь и я так сосредоточилась на безопасности Джил, что не тратила времени на размышления о том, как она приспособилась к своему новому положению. А ведь наверняка в ее жизни произошли серьезные изменения.

– Я уверена, ты принижаешь свое положение, – ласково сказала я.

Не предстоит ли мне часто служить Джил психотерапевтом, выполняя нынешнее задание? Перспектива утешать вампира все еще казалась мне странной.

– Я имею в виду, сразу видно, насколько ты необходима. Все так хлопочут, чтобы ты была здесь в безопасности.

– Но ради меня ли самой? – спросила Джил. – Или ради того, чтобы помочь Лиссе сохранить трон? Она почти не разговаривает со мной с тех пор, как выяснилось, что мы сестры.

Мы затронули неловкую тему межличностных отношений, которой я избегала. Я не могла вообразить себя на месте Василисы или Джил. Единственное, что ощущала четко, – им обеим наверняка нелегко.

– Уверена, она тебя любит, – сказала я, хотя вовсе не была в этом уверена. – Но случившееся, наверное, кажется ей странным – особенно если вспомнить все остальные перемены в ее жизни. Потерпи немного. Сосредоточься сперва на важных вещах – на том, чтобы остаться здесь и выжить.

– Ты права, – кивнула Джил. Снова легла на постель и уставилась в потолок. – Я волнуюсь из-за того, что будет завтра, ведь весь день придется провести на занятиях, вместе с другими. А если они заметят? Вдруг узнают обо мне правду?

– На вводных занятиях ты прекрасно справилась, – заверила я. – Просто не показывай клыки. Кроме того, я очень неплохо убеждаю людей в том, будто они вовсе не видели того, что, по их мнению, видели.

При виде благодарности, отразившейся на лице Джил, я почувствовала себя неловко. Она снова напомнила мне Зою. Они во многом были похожи, обе застенчивые и нерешительные, но отчаянно желающие себя проявить. Я пыталась защитить Зою – и лишь упала в ее глазах. А теперь, находясь рядом с Джил, испытывала противоречивые чувства. Отчасти теперь я могла компенсировать то, что не сумела сделать для Зои. Но стоило подумать об этом, и внутренний голос тут же возражал: «Джил не твоя сестра. Она вампир. Это всего лишь очередное задание».

– Спасибо, Сидни. Я рада, что ты здесь.

Джил улыбнулась, и чувство вины лишь ввинтилось в меня еще глубже.

– Знаешь, я немножко завидую Адриану. Он думает, что у Кларенса очень скучно, но ему не надо встречаться с новыми людьми или привыкать к новой школе. Он просто может бить баклуши, смотреть телевизор, играть с Ли в бильярд, спать допоздна… Это кажется восхитительным.

Джил вздохнула.

– Наверное, – сказала я, слегка удивившись такому обилию подробностей. – А откуда ты все это знаешь? Ты… разговаривала с Адрианом после того, как мы покинули дом?

Не успела я договорить, как подобная мысль показалась мне маловероятной. Я ведь провела с Джил большую часть дня.

Улыбка слетела с ее лица.

– О нет. Я просто догадываюсь, что происходит. Кое о чем Адриан упоминал раньше, вот и все. Прости, я разнылась и болтаю всякую ерунду. Спасибо, что слушаешь меня… Мне становится легче.

Я натянуто улыбнулась и ничего не ответила. Мне все еще не удавалось свыкнуться с тем, что я начинаю испытывать теплые чувства к вампиру. Сперва Роза, теперь Джил? Неважно, какой бы милой ни была Джил, мне полагалось поддерживать с ней исключительно деловые отношения, чтобы никто из алхимиков не мог обвинить меня в привязанности к моройке. Слова Кита эхом прозвучали в моей голове: «Подружка вампира…»

«Чушь какая», – подумала я.

Нет ничего плохого в том, чтобы вести себя любезно со своими подопечными. Это нормально и вовсе не означает, что я с ними сближаюсь. Верно?

Отбросив беспокойство, я сосредоточилась на распаковывании вещей и обдумывании новой жизни в школе. Я искренне надеялась, что завтрашний день ничем не будет омрачен, как я и заверяла Джил.

К несчастью, надежды мои не оправдались.

Глава шестая

По правде говоря, начался день великолепно.

Когда мы проснулись, через окно лился солнечный свет, и я уже ощущала жару, несмотря на раннее утро. Я выбрала самый легкий ансамбль из предметов формы: серую юбку и белую блузку с короткими рукавами. В школе разрешались «простые украшения», поэтому я не сняла крест. У моих волос был один из трудных дней – таких дней в новом климате было больше, чем легких. Мне хотелось завязать хвост, как сделала Джил, но они были пострижены так, что аккуратного хвоста не получилось бы. Глядя на падающие на плечи пряди разной длины, я задумалась – может, пора отпустить волосы подлиннее?

После завтрака, к которому ни я, ни Джил почти не притронулись, мы поехали в Центральный кампус. Автобус был переполнен. Только около трети учащихся жили на полном пансионе, остальные были местными, и все они собрались сегодня на занятия. Во время поездки Джил почти не разговаривала; похоже, она снова плохо себя чувствовала. Не поручусь, но мне показалось, что лицо у нее бледнее обычного. Глаза снова были красные, а под ними залегли черные тени.

Проснувшись посреди ночи, я увидела, что Джил крепко спит, поэтому не знала, в чем же проблема. Честно говоря, эти синяки под глазами были первым изъяном, который я видела на коже мороев – всегда идеальной, фарфоровой. Неудивительно, что Джил могла спать допоздна: ей, в отличие от меня, не приходилось заботиться о пудре и тональном креме.

И все утро Джил продолжала прикусывать губу и обеспокоенно оглядываться по сторонам. Может, она просто нервничала, оказавшись среди одних только людей. Казалось, ее вовсе не беспокоило то, что придется находить нужные аудитории, выполнять различные задания. А меня это все еще слегка пугало.

«Просто переходи из одного кабинета в другой, – твердила я себе. – Это все, что ты должна делать».

Первым уроком у меня значилась античная история. Эдди направлялся в ту же аудиторию и, увидев меня, налетел с вопросами:

– Она в порядке? Ты ее видела?

– Мы вообще-то живем в одной комнате, поэтому – да, видела.

Мы уселись за соседние столы, и я улыбнулась Эдди.

– Успокойся. С ней все в порядке. Похоже, она нервничает, но не удивительно.

Эдди кивнул, но не слишком уверенно. Сосредоточив внимание на преподавательнице, он все равно словно еле сдерживался, чтобы не ринуться проверять, как там Джил.

– Добро пожаловать, добро пожаловать.

Нашей преподавательницей была женщина лет сорока с чем-то, с тронутыми сединой жесткими черными волосами и такая энергичная, что могла бы сравниться в этом с Эдди. Судя по гигантской кофейной кружке, об источнике энергии нетрудно было догадаться. Я слегка позавидовала, поскольку нам не дозволялось приносить в класс напитки – тем более что в кафетерии общежития кофе не варили. Я не знала, как выживу следующие несколько месяцев без кофеина. Наряд учительницы демонстрировал ее неравнодушие к вязаным вещам.

– Я – миссис Тервиллигер, ваш прославленный гид в чудесном путешествии по античной истории.

Говорила она громко и чересчур торжественно, отчего несколько моих одноклассников захихикали.

Преподавательница показала на молодого человека, сидевшего позади нее, рядом с большим столом. Тот со скучающим видом наблюдал за классом, но, когда она к нему повернулась, встрепенулся.

– А это мой помощник, Трей, которого, думаю, некоторые из вас знают. Трей – мой ассистент на этот период, поэтому по большей части будет сидеть тихонько в уголке и заполнять бумаги. Но будьте с ним повежливее, потому что, весьма возможно, именно он будет вносить ваши оценки в компьютер.

Трей слегка помахал рукой и ухмыльнулся нескольким своим друзьям. Он был очень загорелым, с черными волосами, длина которых бросала вызов правилам дресс-кода. Аккуратно выглаженная форма придавала ему деловой вид, но его темные глаза озорно поблескивали, и я решила, что он не относится к своей должности очень серьезно.

– Продолжим, – продолжала миссис Тервиллигер. – История важна потому, что учит нас нашему прошлому. А изучая прошлое, вы начинаете понимать настоящее, поэтому можете принять аргументированные решения, касающиеся будущего.

Она сделала драматическую паузу, чтобы мы уяснили ее слова. Убедившись, что мы прониклись благоговением, преподавательница подошла к ноутбуку, подсоединенному к проектору. Нажала несколько клавиш, и на экране в передней части комнаты появилось здание с белыми колоннами.

– Может ли кто-нибудь сказать мне, что это такое?

– Храм? – выкрикнул кто-то.

– Очень хорошо, мистер…

– Робинсон, – сообщил парень.

Вытащив планшет, миссис Тервиллигер изучила список.

– А, вот вы где. Робинсон. Стефани.

– Стефан, – поправил молодой человек, покраснев, когда его друзья захихикали.

Миссис Тервиллигер подоткнула очки на переносице и прищурилась.

– Да, так и есть. Слава богу. Я уж подумала, как вам, наверное, трудно живется с таким именем. Извиняюсь. Я разбила очки – нелепое происшествие во время игры в крокет – и была вынуждена захватить сегодня старые. Итак, Стефан, а не Стефани, вы правы. Это храм. Можете ли уточнить, какой именно?

Стефан покачал головой.

– Кто-нибудь может предложить другой ответ?

Ответом была лишь тишина, и я, сделав глубокий вдох, подняла руку. Пора было проверить, что это такое – быть настоящей ученицей. Миссис Тервиллигер посмотрела на меня и кивнула.

– Это Парфенон, мэм.

– Так и есть, – подтвердила она. – И как вас зовут?

– Сидни.

– Сидни…

Она сверилась со своими записями и удивленно подняла взгляд.

– Сидни Мельбурн? О боже мой! Ваш выговор не похож на австралийский.

– Э-э… Сидни Мелроуз, мэм, – поправила я.

Миссис Тервиллигер нахмурилась и протянула записи Трею, который, похоже, считал, что мое имя – самая смешная штука на свете.

– Смените меня, мистер Джарез. Ваши юные глаза лучше моих. Если я буду продолжать, так все время стану превращать мальчиков в девочек и абсолютно милых юных леди в потомков преступников. Итак, – миссис Тервиллигер снова сосредоточилась на мне, – Парфенон. Вы что-нибудь о нем знаете?

Остальные наблюдали за мной, по большей части с дружеским любопытством, но я все равно чувствовала, как давит на меня то, что я оказалась в центре внимания. Глядя лишь на миссис Тервиллигер, я ответила:

– Это часть Акрополя, мэм. В Афинах. Он был построен в пятом веке до Рождества Христова.

– Не нужно обращаться ко мне «мэм», – сказала миссис Тервиллигер. – Хотя немного уважительности действует для разнообразия освежающе. А ответ – блестящий.

Она оглядела остальных.

– А теперь скажите мне вот что. С какой стати нас должны заботить Афины или то, что происходило больше пятнадцати сотен лет назад? Какое отношение это может иметь к нам, живущим сегодня?

Снова молчание и ускользающие взгляды. Когда невыносимая тишина растянулась как будто на несколько часов, я начала снова поднимать руку. Миссис Тервиллигер не заметила этого и оглянулась на Трея, который положил ноги на учительский стол. Парень немедленно сбросил ноги со стола и выпрямился.

– Мистер Джарез, – объявила миссис Тервиллигер, – пора отработать ваше жалованье. Вы проходили это в прошлом году. Можете вы сказать, почему события в античных Афинах для нас важны? Если не можете, мне придется снова вызвать мисс Мельбурн. Похоже, она знает ответ, и подумайте, в какое неловкое положение это вас поставит.

Трей взглянул на меня, потом снова на преподавательницу.

– Ее зовут Мелроуз, а не Мельбурн. И демократия была основана в Афинах в шестом веке. Многие из правил, которые там установили, действуют и сегодня в нашем обществе.

Миссис Тервиллигер театрально прижала руку к сердцу.

– Значит, в прошлом году вы меня слушали! Ну почти. Дата неверна.

Взгляд ее упал на меня.

– Держу пари, вы знаете, когда в Афинах была установлена демократия.

– В пятом веке, – немедленно ответила я.

Тем самым я заслужила улыбку учительницы и сердитый взгляд Трея. Одноклассники тоже, кажется, не были восхищены моим ответом. Миссис Тервиллигер продолжила говорить в своем цветистом стиле, остановившись на нескольких важных датах и местах, которые нам предстояло изучить более подробно. Я поняла, что могу ответить на любой ее вопрос. Внутренний голос твердил, что я должна быть осторожной и не выдавать все свои познания сразу, но я не могла удержаться. Если никто не знал ответа, я чувствовала, что обязательно должна его дать. И каждый раз, когда я отвечала, миссис Тервиллигер говорила:

– Трей, вы это знаете? – А я вздрагивала.

Мне отнюдь не хотелось наживать врагов в первый же день. Пока я отвечала, остальные ученики с любопытством наблюдали за мной, что слегка смущало. А еще я видела, как некоторые из них обмениваются многозначительными взглядами, будто знают секрет, утаиваемый от меня. Это заботило меня больше, чем раздражение Трея. Они думают, будто я похваляюсь знаниями? Я не настолько была в курсе принятых здесь норм поведения, чтобы понимать, что тут нормально, а что нет. Эта школа ценилась высоко и могла соперничать с другими в академическом плане. Уж наверняка здесь не так уж плохо быть образованной?

Напоследок миссис Тервиллигер дала задание прочитать первые две главы учебника. Одноклассники застонали, но я почувствовала приятное волнение. Я любила историю, особенно историю искусства и архитектуры. Мое домашнее образование было отличным и всесторонним, но отец считал, что именно на этот предмет мы не должны тратить много времени. Мне пришлось изучать его в свободное время, и меня поражала и радовала мысль о том, что теперь у меня есть занятия, специально посвященные истории. И что мои знания будет кому проверить.

После урока мы с Эдди разделились. Я отправилась на урок химии для продвинутого уровня. Пока я ждала начала занятий, Трей скользнул за стол рядом со мной.

– Итак, мисс Мельбурн, – сказал он, подражая голосу мисс Тервиллигер, – когда вы начнете сами преподавать историю?

Я сочувствовала ему, когда мисс Тервиллигер его подкалывала, но теперь мне не понравился его тон.

– А ты и вправду занимаешься античной историей? Или собираешься и дальше прохлаждаться и делать вид, что помогаешь преподавательнице?

Трей ослепительно улыбнулся.

– О, к сожалению, я в этом увяз. И я был лучшим учеником миссис Тервиллигер в прошлом году. Если ты и в остальном разбираешься так же хорошо, как в истории, я украду тебя, чтобы мы были в паре на лабораторных занятиях. И тогда я смогу бить баклуши весь семестр.

Химия была основополагающей в деятельности алхимиков, и я сомневалась, что на занятиях услышу что-то новое для себя. В Средние века алхимики, которых называли «учеными колдунами», пытались превратить свинец в золото. От своих ранних экспериментов они перешли к изучению особенных свойств крови вампира и ее реакций с другими веществами, и в конце концов именно эти исследования привели к решению держать порознь вампиров и людей. Благодаря ранней научной подоплеке и нашим теперешним опытам с кровью вампиров химия стала одним из главных предметов моего образования в детстве. Я получила свой первый химический набор, когда мне было шесть лет. Пока остальные дети практиковались в стрельбе из арбалета, мой отец мучил меня свойствами кислоты и обучающими карточками по иностранным языкам.

Не в силах признаться во всем этом Трею, я отвела глаза и небрежно смахнула волосы с лица.

– Я не возражаю.

Его взгляд перебежал на мою щеку и вдруг стал понимающим.

– А! Так вот она.

– Что? – спросила я.

Трей показал на мое лицо.

– Твоя татуировка. Вот как она работает?

Откидывая волосы, я показала золотистую лилию.

– Что ты имеешь в виду? – спросила я.

– Не скромничай, – сказал Трей, возводя к потолку темные глаза. – Я понял. Я имею в виду, ты вроде как жульничаешь со мной, но, думаю, не все беспокоятся о своей репутации. Однако с твоей стороны довольно бесстрашно носить татуировку на лице. Ты нарушаешь известный тебе дресскод… Хотя это никого не останавливает.

Я поправила волосы, и они снова упали на щеку.

– Знаю. Я собиралась наложить макияж и забыла. Но что ты там говорил насчет жульничества?

Трей молча покачал головой, ясно давая понять, что больше разговаривать не желает.

Я сидела, чувствуя себя беспомощной и гадая, что сделала не так. Вскоре мое замешательство сменилось унынием, когда наш преподаватель показал нам, чем оснащен кабинет. В моей комнате имелось химическое оборудование подороже, чем в Амбервуде. Что ж, полагаю, немного освежить элементарные познания не повредит.

Остальные занятия проходили примерно так же. Я была лучшей по всем предметам и поняла, что отвечаю на каждый вопрос. Это снискало мне благоволение учителей, но реакцию одноклассников я оценить не могла. Я все еще замечала, как многие неодобрительно

качают головами или выглядят заинтригованными – но только Трей по-настоящему меня осудил. Я не знала, стоит вести себя сдержаннее или нет.

Пару раз я натыкалась на Кристин и Джулию, и те напомнили, что я должна присоединиться к ним за обедом. Я так и сделала, найдя их за угловым столиком в кафетерии Восточного кампуса. Девушки помахали мне, и я, пробираясь мимо ряда столов, быстро оглядела помещение в надежде увидеть Джил. Я целый день с ней не встречалась, но не слишком беспокоилась из-за этого, помня о разнице в наших расписаниях. Возможно, она обедала в другом кафетерии, может, вместе с Эдди и Микой.

Кристин и Джулия вели себя по-дружески: расспрашивали о моем первом дне, делились знаниями о некоторых преподавателях, которые вели у них занятия раньше. Обе они были выпускницами, как и я, и наше расписание отчасти совпадало. Большую часть обеда мы обменивались общей информацией, например – кто откуда родом. Только к концу обеда я начала получать ответы на некоторые вопросы, весь день не дававшие мне покоя, хотя ради этого и пришлось сперва продраться через новые расспросы.

– Так что, – спросила Кристин, подавшись ко мне через стол, – она просто дает тебе суперпамять? Или, уж не знаю, и вправду изменяет твой мозг и делает тебя умнее?

Джулия закатила.

– Она не может делать умнее. Должно быть, дело в памяти. Что я хочу знать, так это как долго она действует.

Я переводила взгляд с одной девушки на другую, совершенно сбитая с толку.

– О чем бы вы там ни говорили, «она» не делает меня умнее, потому что сейчас я в полном недоумении.

Кристин засмеялась.

– Твоя татушка. Я слышала, ты ответила на все самые трудные вопросы по математике. И моя подруга, которая вместе с тобой была на истории, сказала, что там ты тоже отличилась. Мы пытаемся догадаться, как именно помогает тебе татуировка.

– Помогает мне… отвечать на вопросы? – спросила я.

Их лица подтвердили, что это они и имели в виду.

– Она мне не помогает. Это… Это просто, ну… Я сама. Я просто знаю ответы.

– Таких умных не бывает, – заспорила Джулия.

– Да ничего особенного в этом нет. Я не гений. Думаю, я просто много училась. Частично была на домашнем образовании. К тому же папа у меня очень… строгий, – добавила я, полагая, что это может быть понятным.

– А-а… – протянула Кристин, поигрывая своей длинной косой.

Я заметила, что ее темные волосы причесаны очень аккуратно, тогда как светловолосая Джулия вечно взъерошенная и растрепанная.

– Может, оно и так, – продолжала Кристин, – но для чего тогда твоя татуировка?

– Да ни для чего, – сказала я.

Но, произнося эти слова, почувствовала на щеке легкое покалывание. В татуировке заключалась своего рода магия, которая мешала мне говорить о делах алхимиков с теми, кто не входил в круг избранных. Татуировка не давала мне слишком много болтать… Не то чтобы в том была необходимость.

– Я сделала ее просто потому, что она показалась мне классной.

– А-а… – теперь протянула Джулия.

Непонятно почему, но обе девушки выглядели разочарованными.

– А с чего вы решили, что татуировка добавляет мне ума? – поинтересовалась я.

Звонок на следующий урок помешал нашей дальнейшей беседе. Последовала пауза; Кристин и Джулия о чем-то размышляли. Кристин, казалось, была из них двоих лидером: она решительно кивнула, и у меня появилось ясное ощущение, что мне дали оценку.

– Хорошо, – широко улыбнувшись, сказала она. – Потом расскажем.

Мы условились, когда именно встретимся и вместе позанимаемся, и разошлись. У меня сложилось впечатление, что меня ждет больше общения, чем учебы, и это вполне меня устраивало, но я сделала себе мысленную заметку – сперва приготовить домашнее задание.

Остаток дня пролетел быстро, и во время одного из уроков я получила записку от руководителя, Молли. Как и ожидалось, тесты подтвердили мое знание иностранных языков, и Молли хотела, чтобы я заглянула к ней во время последнего учебного часа, когда у меня не было занятий. Значит, мой учебный день официально завершался физкультурой.

Я переоделась в выданную мне спортивную форму – шорты и амбервудскую футболку – и вместе с остальными выбралась наружу, под горячее солнце. Сегодня, пока перемещалась из одного здания в другое в перерывах между занятиями, я иногда чувствовала жару, но только постояв некоторое время на улице, по-настоящему осознала, что мы находимся в пустыне. Оглядывая своих сокашников, среди которых были парни и девушки из разных классов, я увидела, что жарко не мне одной. Я редко обгорала на солнце, но теперь решила на всякий случай купить солнцезащитный крем. Джил он тоже понадобится.

Джил!

Я внимательно огляделась по сторонам. Я почти забыла, что Джил полагается быть на этом занятии. Но где же она? Ее нигде не было видно. Когда наша преподавательница, мисс Карсон, начала делать перекличку, она даже не назвала имя Джил. Я гадала, не изменили ли в последнюю минуту расписание.

Мисс Карсон считала, что чем быстрее приступить к делу, тем лучше. Мы разбились на команды для игры в волейбол, и я оказалась рядом с Микой. Его бледная веснушчатая кожа уже порозовела, и мне почти захотелось предложить и ему тоже купить солнцезащитный крем. Мика улыбнулся мне своей дружеской улыбкой.

– Привет, – сказала я. – Ты не видел сегодня мою сестру, Джил?

– Нет, – ответил он, слегка нахмурившись. – Эдди искал ее за обедом. Он решил, что она обедает вместе с тобой в общежитии.

Я покачала головой, ощущая, как тошнота поднимается к горлу. Что происходит? В голове моей пронеслись кошмарные варианты. Я-то думала, что Эдди перебарщивает со своей бдительностью, но вдруг что-то случилось с Джил? Неужели, несмотря на все наши уловки, один из врагов проскользнул сюда и похитил Джил у нас из-под носа? Придется ли мне рассказать алхимикам – и отцу – о потере подопечной в первый же день?

Меня охватила паника. Если раньше меня и не собирались отправлять в центр переобучения, теперь мне это светило с куда большей вероятностью.

– Что с тобой? – спросил Мика, рассматривая меня. – Джил пропала?

– Не знаю, – сказала я. – Извини.

Я отделилась от своей команды и трусцой подбежала к наблюдающей за нами мисс Карсон.

– Простите, что беспокою вас, мэм, но я волнуюсь из-за сестры. Джил Мелроуз. Я Сидни. Джил полагалось бы быть здесь. Вы не знаете, она не изменила расписание уроков?

– А, да. Мелроуз. Я получила записку из администрации, перед самым занятием, что она сегодня не придет.

– Там было сказано почему?

Мисс Карсон с извиняющимся видом покачала головой и выкрикнула приказ какому-то парню, который начал сачковать. Я снова присоединилась к своей команде, мысли мои неслись вскачь. Что ж, по крайней мере, кто-то видел сегодня Джил, но почему же она не пришла на урок?

– Ничего не случилось? – продолжал допытываться Мика.

– Я… думаю, все в порядке. Мисс Карсон в курсе, что Джил не будет на уроке, но не знает почему.

– Я могу что-нибудь сделать? – спросил Мика. – Чем-нибудь ей помочь? То есть вам обеим?

– Нет, спасибо. Но приятно, что ты спросил.

Хотелось бы мне взглянуть сейчас на часы.

– После урока я проверю, как она.

Внезапно в голову мне пришла одна мысль.

– Но, Мика, не говори ничего Эдди.

Мика с любопытством посмотрел на меня.

– Почему?

– Он слишком рьяно ее защищает. И будет беспокоиться без причин.

«А еще разнесет всю школу по кирпичику, разыскивая Джил».

Когда занятие закончилось, я быстро приняла душ и переоделась, а потом зашагала к административному зданию. Мне отчаянно хотелось сперва побежать обратно в общежитие, чтобы увидеть, не там ли Джил, но нельзя было опаздывать на назначенную встречу. Идя по коридору к кабинету Молли, я прошла мимо кабинета директора – и тут меня озарила идея. Я остановилась, чтобы поговорить с секретарем, перед тем как отправиться на встречу.

– Джил Мелроуз, – кивнула секретарь. – Ее отослали обратно в общежитие.

– Отослали? – воскликнула я. – Что это значит?

– Не могу сказать.

«Не слишком ли мелодраматично?»

Раздраженная и донельзя сбитая с толку, я пошла в кабинет Молли, утешая себя тем, что, хотя отсутствие Джил и является загадкой, по крайней мере оно согласовано со школой.

Молли сказала, что вместо изучения языков я могу выбрать какой-нибудь факультатив или заняться самостоятельными исследованиями, если есть преподаватель, который станет моим руководителем. Внезапно у меня появилась идея.

– Могу я ответить завтра? – спросила я. – Сперва мне нужно кое с кем поговорить.

– Конечно, – сказала Молли. – Только решайте побыстрее. Теперь возвращайтесь в общежитие, мы не одобряем того, чтобы каждый день в это время вы слонялись без дела по территории.

Я заверила ее, что скоро дам ответ, и отправилась в общежитие. Автобус в часы занятий ездил не очень часто, поэтому я прошла все расстояние пешком. Прогулка заняла всего пятнадцать минут, но при такой жаре мне показалось, будто времени ушло вдвое больше.

Когда я в конце концов добралась до нашей комнаты, меня захлестнуло облегчение. Джил была там.

– Что случилось?

Джил лежала на постели, читая книгу. Она мрачно взглянула на меня.

– Да ничего.

Я села на свою кровать и сбросила обувь.

– Ну ты даешь! Я чуть с ума не сошла, когда ты не пришла на урок. Если бы Эдди знал…

Джил рывком села.

– Нет, не говори Эдди. Он точно психанет.

– Ладно. Но расскажи, что случилось. Говорят, тебя сюда отослали?

– Да.

Джил скорчила гримасу.

– Потому что меня выгнали с первого же урока.

Я лишилась дара речи. Я и представить себе не могла, что могла сотворить милая, застенчивая Джил, чтобы заслужить такое наказание. Господи! Надеюсь, она никого не укусила. Ожидалось, что это мне будет непросто приспособиться к школьному распорядку. Джил же полагалось быть в этом профессионалкой.

– За что тебя выгнали?

Джил вздохнула.

– За похмелье.

Я снова лишилась дара речи.

– Что?!

– Меня тошнило. Мисс Чанг – моя учительница – взглянула на меня всего разок и сказала, что за милю может распознать похмелье. Она повела меня к директору за нарушение школьных правил. Там я сказала, что просто больна, но она продолжала говорить, будто ей все известно. В конце концов директор заявил – раз невозможно доказать причину моего состояния, меня не накажут, но не разрешат сегодня находиться на уроках. Мне пришлось торчать тут весь день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.